

Иосиф Рочко

Даугавпилс, Латвия

«ОНИ БЫЛИ НАШИМИ СОСЕДЯМИ...» ИЗ ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА В ДАУГАВПИЛСЕ

Светлой памяти моего отца Гершона Рочко, прошедшего путь мученика от ворот Даугавпилсского гетто до ворот крематориев Штутгофа и выжившего; его первой семьи: жены Зары Рочко (урожд. Штейнгольд), двоих детей (моих сестры и брата) Хаи Души и Израйля Сендера, дедушки Бориса и всех моих родственников, погибших в Даугавпилском гетто.

Введение

Трагедии евреев Даугавпилса (исторические названия Динабург, Двинск) в годы Второй мировой войны посвящен ряд публикаций. В первую очередь следует отметить статью З. Якуба «В те дни»¹, где всесторонне описываются события в Даугавпилском гетто. Книга бывшего узника гетто Сиднея Ивенса «Как небеса темны: 1400 дней в тисках нацистского террора»² подробно проанализирована в статье Б. Волковича³. В монографии американского историка А. Эзергайлуса события в Даугавпилском гетто исследуются в основном на основе нацистских документов, а также материалов судебных процессов⁴. В Израиле на иврите вышла книга бывшего узника Даугавпилсского гетто Хаима Курицкого «Пережить и рассказать» (Иерусалим, 2003). В Великобритании и США вышла книга английского историка Дж. Свейна «Между Гитлером и Сталиным. Классовая и расовая война на Двине, 1940—1946»⁵. Три главы этой книги рассказывают о нацистской оккупации Даугавпилса, в том числе одна из глав («Геноцид») посвящена Холокосту в этом городе.

Однако трагедия даугавпилского еврейства не исчерпывается лишь событиями в гетто. Она началась еще до организации гетто и продолжалась после его ликвидации и даже после окончания войны. Эта сторона Холокоста затрагивается в одной из публикаций автора этих строк⁶. В этой статье автор пытается взглянуть на Холокост глазами неевреев. В 2002—2005 гг. были опрошены около 100 человек — старожилов Даугавпилса и Латгалии в целом. Это поляки, русские и латыши, которые были соседями евреев. Опрошены были и 10 евреев, видевших приход советской власти в 1940 г., а также бывших узников гетто. Неоднократно повторяющиеся в воспоминаниях факты позволяют предположить достоверность и реальность событий. Сравнение материалов устной истории с архивными документами позволило отобрать наиболее значимые из них, которые подтверждают описываемые события.

Разумеется, возникает вопрос: может ли человек помнить то, что было более 60 лет назад? Свидетели, прожившие не один год бок о бок с евреями, пытавшиеся помочь или сочувствовавшие им, отвечали: «Ну как же не помнить. Они были нашими соседями». Те, кто видел преследования евреев, видел смерть соседей, слышал выстрелы, не могут забыть это и сегодня. Некоторые свидетели бы-

---

Автор выражает благодарность всем, кто помог ему в розыске очевидцев, предоставил документы и поделился личными воспоминаниями.

ли родственниками евреев, происходили из смешанных семей. Их также коснулся Холокост. Даже внешнее сходство с евреями в годы нацистской оккупации было опасным. Свидетельств могло быть и больше, но часть очевидцев еврейской трагедии отказались поделиться воспоминаниями, объяснив это страхом.

Холокост глазами неевреев

В 1935 г. в Даугавпилсе жили 11 106 евреев, что составляло 24,6 % населения города. Свидетелям евреи запомнились главным образом как владельцы небольших лавок, никогда не отказывавшие отпустить покупателям товары в долг. Установленные в результате опроса владельцы магазинов — Розенберг, Аптер, Бутин, Грейн, Этин, Кацен, Авербух, Левин, Кляцкин, Фейгельсон, Любович и многие другие. Большинство еврейских торговцев владели мелкими лавками, позволявшими лишь с трудом выжить. Это были Геся Струнина, Буль, Люстикман, Мафцир на ул. Видземес. Бывший двинчанин (ныне житель Израиля) Мойше Антиколь вспомнил, что еврейские лавчонки и магазины Сливкина, Ш. Динера, Бейма, Беркала, Зеликсона, Левина, Глезерова, Вольфсона, Сосицкого, Звейна, Кафангауза теснились на ул. Сакно. Лишь один из них — Гамза, был состоятельным человеком. В то же время евреев считали богатыми людьми. «У евреев было много золота» (воспоминания В. Новицкого). А. Курсиш из Межциемса ставил евреев в пример, говоря своим близким: «Посмотрите, как евреи работают, они не пьют и дают детям образование».

А. Козлов с теплотой вспоминает о евреях-лавочниках, дававших работу людям других национальностей: «Все мы были связаны с евреями. Если ты украл у еврея-лавочника, то больше работу у них не найдешь. Иногда хозяин подкладывал монету новому продавцу, чтобы проверить его честность». Осталась непонятной еврейская традиция спросить у прохожего, который час, и лишь затем открыть лавку. Считалось, что это принесет удачу в тот день.

«Евреи не работали, а только торговали», — вспоминает И. Ионан. Конечно, торговля — это тоже работа, да и не все евреи были торговцами. Действительно, по данным статистики, лишь около половины работающих евреев занимались торговлей. Ряд очевидцев говорят о евреях как о владельцах домов, где им пришлось снимать квартиры. Это Месник, Кадишевич, Магид, Мееров, жившие на ул. Ригас, и др.

Значительная часть евреев занималась ремеслом. В Гайке, в мастерской Кохановича, изготовляли кафель, у Эйдуса обжигали кирпич. Жестянщиком на Новом Строении был Клемпман, умелыми заготовщиками — Эстрины, парикмахерами — Рыбак и Блаер. Трактир на ул. Пушкина «держал» Шапиро. Лишь немногие были владельцами крупных предприятий: Грилихес (производство кожи), братья Гурвич (производство пива).

В Гайке, на ул. Мазу, рядом с магазинами Зака и Крозера, находилась пекарня Ланге. По соседству располагались аптека Минскера и парикмахерская Шварца, который давал напрокат машинку для стрижки волос. Гершон (обычно его звали Гершке) был удачливым хозяином магазинчика и... владельцем коровы, а Цинманы владели чуть ли не целым кварталом деревянных домишек. Но у большинства евреев, как у шорника Гершона Рочко, был маленький собственный дом.

Евреи «были нашими соседями» не только в центре, но и на окраинах города. Зажиточные евреи снимали дачи в Межциемсе (Погоулянке). Здесь же исполнял свои обязанности резник. Евреи снимали комнату у Адама Курсита на ул.

Магону, где молились. Обычно они просили нееврейских детей по пятницам зажигать свечи в комнате для молитв. Дети дачников и хозяев собирали ягоды и грибы, распевая еврейские песни.

«В пятницу евреи просили разжечь свечи, но мама мне говорила: “Не заходи к евреям домой. Они ловят детей и колют их досками, идет кровь, и на ней замешивают мацу”. Евреев не любили: они были предприимчивыми, никто не сидел сложа руки. Жили они небогато, но их дети учились в школе» (воспоминания Н. Султановой).

Таким образом, предрассудки относительно употребления евреями крови (отголоски кровавого навета) живы до сих пор.

В Старых Стропах владельцем мельницы был зажиточный еврей Магарамм, у него работал Давид Столяр, а Лейзер был умелым кузнецом — подковывал лошадей. Новицкие снимали дачи у еврея Зелика, которой закупал овец, продавая баранину дачникам. Хозяевами дач были евреи Думеш и Фрейзус, а дачниками — Бергерманы.

Евреи учились не только в еврейских, но и в других школах. Эстер Сливкина была одноклассницей Бригиты Петерсон, а в классе, где училась Хелена Филипенек, занимался еврейский мальчик Виктор Дунаевский. Во время уроков Закона Божьего Виктор покидал класс, и с ним отдельно занимался раввин З. Каган.

Отношение между евреями и неевреями характеризуют обычно так: «Жили дружно» (воспоминание Б. Петерсон). Евреи давали в долг деньги, давали дельные советы. Как вспоминает И. Йонан, его сосед говорил: «Имей дело с евреями, они тебя никогда не продадут». Многие респонденты искренне уверяли, что антисемитизма до войны не было.

Вместе с тем ряд свидетелей приводят противоположные факты. Так, на ул. Видземес и Шуню находились две синагоги. Часто во время молитв местные мальчишки начинали хрюкать, выкрикивая «юксь». Евреи сердились и начинали молитву вновь (воспоминание Е. Одинец). Чего было больше в этих эпизодах — хулиганства или антисемитизма? На дверях синагоги, что находилась на ул. Елгавас, местные мальчишки-антисемиты рисовали свиные рыла. Особым шиком считалось выкопать на еврейском кладбище яму и заполнить ее нечистотами, прикрыв сверху ветками. Евреи проваливались туда, идя по кладбищу. На Новом Строении вспыхивали драки между мальчишками — евреями и неевреями. В. Глаголев считает, что «пацанов науськивали родители: “Что вы поддаетесь жидам?”» Он же вспомнил, что евреи старались не появляться на Новостроенском базаре, где старообрядцы на Пасху катали яйца.

Анализ воспоминаний респондентов о проявлениях антисемитизма выявил следующую особенность. Православные обвиняют в этом старообрядцев, те — латышей и поляков, последние во всем винят старообрядцев. «Поляки никогда не били евреев», — утверждала А. Плечкина. Свидетельства поляков двойственны, они обусловлены гонениями местных националистов и немецких нацистов. Поляки-очевидцы не раз рассказывали, что оккупанты им угрожали: «Уничтожим евреев, цыган, коммунистов, возьмемся и за вас». Этим можно объяснить, что поляки дали очень много свидетельств о жизни евреев, попытках помощи несчастным, крещении иудеев. С одной стороны, гонимые сочувствуют гонимым. С другой стороны, в условиях оккупации некоторые поляки стали активными коллаборационистами. Антисемитизм поляков евреи исторически связывают с католической церковью. «Знаешь, каждый уважающий себя поляк в душе хоть не-

множко антисемит», — то ли в шутку, то ли всерьез отметил А. Романовский. В восприятии разных народов проявляется и субъективизм свидетельств очевидцев.

Во второй половине 30-х гг. антиеврейские настроения явно усилились. Юнцы на Новом Строении, не опасаясь полиции, распевали: «Гитлер режет, Гитлер бьет, / Кровь жидовская течет» (свидетельства В. Цикунова и В. Глаголева).

Осенью 1939 г. из Даугавпилса в Германию уезжали немецкие семьи. Как вспоминал В. Якубовский, через город прошли и беженцы из оккупированной нацистами Польши. В газетах «Дер эмес» («Правда»), «Гайнт» («Сегодня») и «Гайнт батог» («Сегодня пополудни»), выходявших на идише, стали появляться тревожные статьи и пугающие фотографии. М. Антиколю запомнились фото, где нацист рвет бороду старого еврея, а также евреев в Варшавском гетто⁷. Одни говорили, что фашисты уж точно не дойдут до Даугавпилса, другие — по опыту Первой мировой войны — уверяли, что с немцами можно договориться, а третьи, особенно еврейская молодежь, были взволнованы и расстроены: что нас ждет?

Приход советской власти летом 1940 г. запомнился Е. Шварц⁸ толпами людей, встречающих красноармейцев. В центре Даугавпилса появление советских танков приветствовали цветами, а некоторые жители города бросались целовать танки. Среди радостно встречающих советские войска были горожане разных национальностей, в том числе евреи. А вот В. Новицкий запомнил, что советских солдат в Старых Стропах с цветами встречали в основном евреи. Он же объясняет, что в конце 30-х гг. евреев стали притеснять, а потому они надеялись на новую власть, которая защитит их от надвигающейся коричневой угрозы. В. Хребтова также утверждает, что большинство среди ликующей толпы составляли евреи. «...Это был Праздник песни⁹, когда русские танки шли по шоссе. Все, конечно, были удивлены, люди не были подготовлены; подготовлены только были... подпольщики и большинство — евреи. Евреи лезли на танки, кричали: “Ой, ой, наши пришли!” Мы удивлялись этому: какие наши?»¹⁰ А. Барановская, модистка — мастер по изготовлению шляп, в свою очередь, считает, что евреи были богатыми людьми. Среди ее клиенток было много евреек. «На праздники, осенью и весной, они заказывали новые шляпы. А для жены доктора Крецера я изготовила первую в городе спортивную шляпку, ведь они купили машину». Она запомнила, что в 1940 г. среди встречающих было немало евреев с красными бантами. «А почему богатые евреи встречали Красную армию? Небось, на батькиных хлебах жили, а встречали голытьбу». То, что богатые евреи приветствовали советскую власть, представляется сомнительным, да и богатство в понимании респондентов (бывших советских людей) вызывает отрицательные эмоции.

«Люди собрались у моста через Даугаву. Красная армия двигалась со стороны Гривы¹¹ через город в сторону Старых Строп», — вспоминает очевидец этих событий проф. И. А. Штейман. — Удивлялись, что среди военных были и женщины. Войска встречали не более 300 человек. У некоторых были цветы. Среди встречающих были в основном любопытные, а также евреи, социал-демократы и коммунисты (последних в городе было не более 20). Шли танки, конница. Колонна не останавливалась, поэтому на танки никто не лез. Борис Авербух, сын состоятельного владельца магазина, и его друзья на фанерных плакатах написали: “Да здравствует народное правительство Латвии!”, “Да здравствует Красная армия!”. Файвиш Фридман, член ЦК Компартии Латвии, а позднее и депутат [Народного] сейма, повел группу товарищей к тюрьме. Они кричали, приветствова-

ли заключенных. Среди встречавших были и люди в штатском, которые фотографировали происходящее. Рабочие пытались отобрать у них фотоаппараты. Некоторые встречавшие отправились с войсками в сторону Старых Стрп; они не ночевали дома, опасаясь арестов. Утром следующего дня несколько активистов были арестованы, но их вскоре выпустили».

Как оценить встречу новой власти?

С точки зрения юриспруденции, встречавшие были нарушителями закона, так как встречали незаконную власть. В то же время глава Латвийского государства К. Ульманис в выступлении по радио вечером 17 июня 1940 г. назвал советские войска дружественной армией. С другой стороны, коммунисты и социал-демократы считали режим К. Ульманиса незаконным, что было обоснованно, ибо этот режим был установлен в результате государственного переворота, были запрещены политические партии, отменены основные демократические свободы, распушен парламент и т. д. Социал-демократы и безработные (число которых в условиях начавшегося экономического кризиса возросло) также приветствовали новую власть, однако позднее нацисты не расправились с ними, как это они сделали с евреями. И. А. Штейман считает, что в целом «латыши психологически не приняли советскую власть. Они слишком долго ждали своего государства и слишком быстро его потеряли». Евреи же надеялись, что новая власть защитит их от фашизма.

М. Афремович, бывший в 1940 г. секретарем комсомольской организации гимназии, через 65 лет отмечает: «Мы агитировали за советскую власть... нашей целью было построение счастливого общества. Мы стали рабами высоких идей ради идей... Мы и представить не могли, что ими вымощена дорога в ад... не за такое "счастье" мы жертвовали молодыми жизнями».

Не существует никакой связи между преступлениями сталинского режима в 1940—1941 гг. в Латвии и евреями. Эта ассоциация была частью нацистской пропаганды, обосновывавшей уничтожение евреев мстью за поддержку ими советской власти, однако эта ассоциация существует у части населения и сегодня. (В странах Европы советской власти не было, но Холокост был.)

Как пишет Б. Волкович, в довоенной Латвии «...евреи подвергались дискриминации во многих сферах жизни»¹². Их не принимали на работу в государственные и муниципальные учреждения и на предприятия, их фактически не было среди чиновников и офицеров, им было трудно поступить в военные училища и на медицинский факультет Латвийского университета. В период авторитарного режима К. Ульманиса усилилось давление на национальные меньшинства в экономике. Л. Дрибинс отмечает: «К. Ульманис, сузив права национальных меньшинств, добился соответствующей реакции: среди восторженно встречавших Красную армию в 40-м году было немало ущемленных в правах русских, евреев, белорусов...»¹³

Отношение советской власти к евреям респонденты оценивали по-разному. Евреев больше нельзя было называть «жидами», но некоторые магазины закрылись, ощущалась нехватка продуктов. Хозяин магазина на ул. Огородней (Сакню) Бенчик распевал грустную песню: «Когда был жид, / Каждый был сыт. / А вот сейчас еврей, / Но каждый стоит у дверей» (свидетельство В. Рыжакова).

Приход советской власти будущему узнику Даугавпилского гетто Израилу Хурину запомнил тем, что за два дня опустели магазины. Основными покупателями были советские офицеры и их жены, приехавшие из России. Как рассказывает Е. Одинец, популярной среди горожан стала поговорка: «Жид будет долго жить, а еврей сдохнет скорей». Однако было весело: на улицах «крутили кино»,

пели и танцевали, но в основном это были небогатые люди. Возчик Зяма Д., живший в подвале, говорил: «Вот придут наши братья, мы покажем буржуям». После прихода советской власти у него спрашивали: «Ну, что, Зямка, как братья?» Горький бедняк, вздыхая, отвечал: «Не тех братьев я ожидал».

Депортация 14 июня 1941 г. очень напугала состоятельных евреев. Из города вывезли 181 еврея из 56 семей¹⁴. «Новая власть была не совсем понятной, а вывоз поверг в шок» (И. Хурин). Несчастливым давали менее часа на сборы. Опоздавший родственник депортированных спросил у чекиста, что же будет с ним. Тот ответил: «Не волнуйтесь, на следующей неделе будет еще один эшелон». Абрам Анतिकоль прибежал на станцию и раздавал халу уезжающим людям. Советская власть продержалась в городе один год и девять дней. Для «наших соседей» это было противоречивое время: надежд и разочарований, оккупации и депортации. Оставшихся евреев ждала эвакуация, новая оккупация и Холокост.

В первые дни войны в городе появились беженцы из Литвы, в том числе евреи. И. Ионан рассказывал, как 23 июня 1941 г. он вел поезд из Даугавпилса в Резекне. В эшелоне было много евреев, в том числе из Литвы, а также жен советских офицеров. Ночью состав в Резекне был обстрелян немецкими самолетами. Неожиданно утром машинист получил приказ повернуть поезд назад. Доехав до Малты, всех пассажиров высадили, а пустые вагоны вновь перегнали в Резекне. О судьбе несчастных можно лишь догадываться.

Что это было: провокация или неразбериха в условиях отступления Красной армии?

По разным оценкам, из города успели эвакуироваться порядка 2000 евреев¹⁵, но не все добрались до России. Составы с беженцами были не раз обстреляны, и часть их погибли под бомбами. Беженцев, шедших в сторону Краславы, остановили и вернули в Даугавпилс немецкий десант и местные коллаборационисты. Да и в первые дни войны прежняя латвийско-советская граница была закрыта¹⁶. «Люди, одетые в русскую форму, вернули беженцев от границы назад. Все спокойно, немцев остановили. Мы вернулись в г. Дагду, где уже были немцы». Так, И. Хурин не смог эвакуироваться и вскоре стал узником гетто. Такая же участь при попытке эвакуироваться постигла семью будущей узницы гетто Леи Лесиной. А. Розенко вспоминал, что они уезжали из города на машине. По дороге к ним попросился советский офицер. В Малте при проверке документов выяснилось, что это был немецкий диверсант.

Дорога из Даугавпилса в Резекне по Шоссейной ул. (ныне ул. 18 Нояembra) была запружена убегающими людьми, среди которых были и евреи. Уже рвались бомбы в центре города. В парке на «тарелочке» были рассыпаны листовки, призывающие горожан оставаться на местах. Немецкая авиация на бреющем полете открыла огонь по убегающим горожанам в районе Старых Строп. «Люди прятались во ржи, в подвалах близлежащих домов, в лесу. Произошла авария двух машин. Первая увозила раненых советских бойцов, на второй ехали бойцы для защиты города. Всюду были слышны стоны и крики испуганных, бегущих и раненых людей. Около оз. Губище, что рядом с еврейским кладбищем, валялись убитые красноармейцы, опрокинутый танк, обгоревшие танкисты, лошади... Евреи говорили, что надо добираться до поселка Вишки, там сядем на поезд...» (воспоминания И. Недведцкой).

Но и в дороге несчастных поджидала опасность. Так, муж, жена и мальчик лет семи добрались до деревни Стропицы (поворот на поселок Крыжи). «Обес-

сидевшие евреи зашли передохнуть в дом Наума и Феодосии Ивановых», — рассказывал А. Иванов. К несчастью, их заметил бывший айзсарг¹⁷ по прозвищу Букашка. Он ворвался в дом гостеприимных хозяев и, угрожая им, вывел беженцев на 20 м в поле. Сначала застрелил мужчину. Женщина отдала убийце какой-то сверток, но тот убил и ее, а затем мальчика. Извергу и этого показалось мало. Он раздел мертвого еврея, поставил еще не остывший труп на четвереньки и на спине вырезал крест. Трупы мучеников еще четыре дня оставались в поле. Их тела стали клевать вороны... Наум Иванов не выдержал этого. Он запряг лошадь, отвез останки несчастных и похоронил. Айзсарги еще не раз приходили и приставали: кто похоронил, где похоронили?... Даже отдать последний долг покойным евреям было опасно.

Многие евреи явно не знали, что делать. Особенно тяжело было старым и больным. М. Антиколь получил совет от своего отца: «Беги, сынок. Советы уничтожают нас морально, а нацисты — физически. Молодым надо бежать, для молодых главное — это жизнь, а для старых — душа».

25 июня 1941 г. айзсарг ворвался в квартиру Гирша Фиша с требованием отдать золото. Кузнец Цодик Каплан с семьей уже находился на вокзале, вспомнил о чем-то забытом и вернулся домой — сосед убил его лопатой. Извозчик Цимахович (24 или 25 июня) отправился по делам. Через несколько часов бедный еврей был обнаружен убитым, лежащим рядом с телегой (воспоминания С. Фиша и А. Канолика). Безвластие этих дней было для евреев опасным. А. Канолик обратил внимание, что 25 и 26 июня утром на улицах города появились вооруженные люди. Это были бывшие полицейские и айзсарги, которые пытались навести порядок. «Пошел вон, жидовская морда. Через два часа будет поздно», — дали ему совет новые «стражи порядка». А. Канолик забежал в подвал дома на ул. Виестура, где сидели испуганные евреи. «Уходите», — закричал еврейский паренек. Многие последовали за ним по Шоссейной ул. в сторону Резекне.

Днем 26 июня 1941 г. гитлеровцы заняли Даугавпилс. Во время нацистской оккупации город стал частью Даугавпилсской области, состоящей из четырех уездов: Даугавпилсского, Резекненского, Лудзенского и Абренского.

Однако не все евреи понимали, что им несет новая власть. Домовладелец Погиль во фраке и с цветами вышел на угол ул. Саулес и Циетокшня встречать нацистов. Он тут же был убит «непрощеными гостями».

В городе начались пожары. По рассказам моего отца Герсона Рочко, Гаёк, где были в основном деревянные дома, весь выгорел. Здесь были прямые попадания зажигательных бомб. Сильный ветер с Даугавы только усиливал пожарище. Старожилы (В. Цикунов и др.) сообщили, что с трудом удалось выйти из этого района. Пожары бушевали и в других районах города. «В четверг толпы людей сидели около Борисоглебского собора. Горели ул. Шоссейная и Райниса. Говорили, что подожгли евреи, но ведь пострадали и они сами» (воспоминания С. Кудина). «Это евреи подожгли свои дома в районе нынешнего железнодорожного парка», — уверял меня респондент П. Карпов. (В этом евреев обвинила нацистская пропаганда¹⁸.) Конечно же, евреи не были к этому причастны. Это было частью плана оккупантов, чтобы побудить жителей расправиться с евреями¹⁹.

Первый расстрел евреев, по мнению В. Цикунова, был произведен 26 июня в парке Дубровина: «Немцы в черных одеждах в парке расстреляли группу евреев. Вокруг стояло оцепление, и близко подойти было нельзя». Начали возвращаться из окрестностей жители города, спасавшиеся от боев и пожаров. Они думали

главным образом о восстановлении своего хозяйства, а не об уничтожении евреев, как признавали и сами оккупанты²⁰.

29 июня в Даугавпилсе стала действовать латышская полиция во главе с префектом Р. Блузманисом. Были образованы 6 полицейских участков. От имени префекта был издан приказ, согласно которому всем евреям старше четырех лет, проживающим в городе и окрестностях, а также в Илукстском уезде, следовало носить на одежде желтую шестиконечную звезду²¹. «Соседка позвала мою маму: «Помоги пришить звезды, мне тяжело». И хотя мать не хотела этого делать, звезды были пришиты. Наша семья очень переживала, сочувствовала несчастным» (воспоминание М. Нечаевой).

26—28 июня евреев выталкивали из очередей, часть крестьян отказывались продавать им продукты на базарах. Их без повода хватали и тащили в синагогу Планавер, которая находилась на углу ул. Саулес и Виестура. Затем часть задыхающихся в тесноте евреев перегнали в тюрьму. Днем 27 или 28 июня синагога загорелась. «Я видел горящую синагогу, — вспоминает А. Козлов. — Вместе с матерью и толпой людей мы бежали по улице. Немец кричал: «Хальт!», — но никто его не слушал. В толпе люди говорили, что евреи якобы сами подожгли синагогу, а потом даже слышал, что поймали еврея-поджигателя». Подожгли, конечно, оккупанты или их приспешники, но обвинили евреев.

На следующий день по городу были развешаны приказы на латышском и русском языках о том, чтобы в воскресенье, 29 июня, все евреи-мужчины в возрасте от 16 до 60 лет явились на базарную площадь. За неявку — смерть. В воскресенье на этой площади прозвучали первые выстрелы: кто-то «плохо стоял», кто-то что-то прошептал жене²². Лазарь Телихин пробил полицейскому голову отверткой и был застрелен (воспоминания С. Кудина). Мужчин погнали в сторону городской тюрьмы. «Подъехала машина, и немец, одетый в форму СС, сказал: «Евреи! Ваш час пробил, скоро вы все будете расстреляны»²³. Группа жителей, в том числе евреи с ул. Видземес, пряталась в подвале одного из домов. 29 июня евреи-мужчины пошли в город. Пошел и Янкель М. Жена побежала за ним с криком: «Янкель, Янкель!» Немецкий патруль застрелил ее во дворе дома. Евреи похоронили несчастную женщину. А. Кузнецовой запомнилось, как пойманного еврея-комсомольца тут же расстреляли за кузницей на ул. Видземес, 21.

Евреи, жившие на Старом Форштадте, Новом Строении, в Стропах, явились на Новостроенский базар. Как вспоминает В. Глаголев, вокруг базара стояли полицейские с черными повязками и карабинами. Среди охранников было и несколько немцев. У них на груди на цепях красовались какие-то бляхи с орлом. Евреев построили и погнали по Шоссейной ул. в сторону тюрьмы. Охрана отгоняла людей, шедших в то утро на базар. Иногда из колонны евреи выбрасывали вещи своим знакомым.

2—3 июля страшная трагедия разыгралась около тюрьмы, в находившемся за ней железнодорожном садике. Об этих событиях уже упоминалось в одной из наших публикаций²⁴.

Несколько сотен горожан густо облепили дамбу, наблюдая душераздирающую сцену. В. Новицкий рассказал, как группу евреев вывели из тюрьмы и заставили руками разрывать могилы. Нацисты и их приспешники утверждали, что здесь лежат люди, замученные советскими чекистами и евреями. Действительно, накануне войны здесь были уничтожены люди, которых советская власть считала врагами, и среди них бывший депутат латвийского парламента, известный в

городе общественный деятель М. Каллистратов. Евреи обмывали лица трупов, а затем вытирали их рубахами. Горожан приглашали опознать убитых родственников, обвиняя в этом в преступлении евреев. Не найдя своих родных, люди выламывали из забора палки с гвоздями и с остервенением забивали евреев до смерти. Особенно усердствовал полицейский Калманис, раздавая удары направо и налево (воспоминания Я. Нарбут).

Лиферий Л., также видевший эту картину, рассказал автору, что полицейские останавливали всех идущих около тюрьмы, заставляя наблюдать издевательство. Он же запомнил, что затем из тюрьмы пригнали 10—15 евреев с полутораметровыми досками в руках и заставили бить ими друг друга. Забитые тут же были зарыты, а оставшихся окровавленных евреев загнали в тюрьму. Антонина К. не может забыть, как из земли вытащили бочку с гвоздями. В бочке находился мертвый человек, обмотанный проволокой, с кровоподтеками от гвоздей. «Вот они, Советы и жиды, что делают!» Бочку прокатили мимо зрителей, труп выпал. Близко стоявшие жители Гайка в ужасе отшатнулись: в изуродованном теле они узнали своего соседа — еврея-лавочника Гершку.

Х. Покерман сообщил, что в конце июня, когда немцы начали раскапывать трупы «жертв большевизма», оказалось, что эти трупы были захоронены совсем недавно. У одного из трупов в кармане женщина обнаружила карточку, по которой узнала своего мужа, арестованного немцами после захвата ими города. Среди распавшихся трупов были и другие арестованные уже при немцах²⁵. Точно такую же акцию гитлеровцы организовали в Резекне. Это говорит об общем сценарии, заранее разработанном оккупантами, с тем чтобы побудить население активно участвовать в гонениях на евреев²⁶.

Бывший латышский легионер из 15-й дивизии СС Франц Тенис, ныне пенсионер, не верит в участие евреев в расстрелах, организованных советской властью около тюрьмы: «Евреи сами не стреляли, это не их характер».

Осенью 1941 г. нацисты организовали в Даугавпилсе фотовыставку. На ней красовались фотографии, сделанные во время описанной выше бесчеловечной акции. На них были изображены изуродованные трупы, тела с вырезанными на спине крестами, с перевязанными проволокой половыми органами (воспоминание Н. Пашкевича). Организаторы этой фотовыставки использовали ее для разжигания антибольшевистской истерии и антисемитизма.

Очевидец другой трагедии, Ч. Антане, напомнила автору о забытом месте расстрела. Это бывший армейский полигон, который находится слева от железной дороги Даугавпилс—Рига, напротив станции Межциемс. В начале июля 1941 г. она видела, как на полигон гнали евреев. Их раздевали на близлежащей даче и гнали в нижнем белье в последний путь. После расстрела соседка Зина Соболева говорила всем: «Берите вещи, они там, на даче, всем достанется». В книге А. Эзергайлуса имеется подтверждение этого факта: «Евреи были доставлены ко рву армейского полигона, где ждали своей участи. Некоторые армейские полицейские были здесь как охрана, возможно, как стрелки. Э. Эрлингер стоял на краю ямы, у него на шею болтался автомат, и руки лежали на бедрах. Были убиты по меньшей мере 80 человек»²⁷.

Л. Т. Васараудзе вспоминает, как по Шоссейной ул. в сторону Строп двигалась колонна людей с желтыми звездами. Среди них были и дети. У них в руках были маленькие свертки. «Я спросила у мамы, что это за люди с желтыми звездами. Мама ответила: “Возможно, и нам, полякам, тоже нашьют такие звезды,

как евреям»». Л. Тене также подтвердила факт перегона обреченных в сторону Строп: «Евреев гнали мимо нашего дома по Шоссейной ул., 225, и затем повернули на тропинку между католическим и лютеранским кладбищами. Рвы были вырыты за кладбищами около болотца. Когда усталых евреев погнали в сторону кладбища, старые люди стали кричать. Вечерело, когда мы услышали выстрелы. Мы были очень взволнованы, закрыли уши подушками — так было страшно. Ночью постучал какой-то мужчина, но пустить его мы не могли, у нас жили немцы. Мой отец Рихард Борейко дал ему продукты и деньги. Еврей сказал, что во время расстрела он упал в яму»²⁸. Р. Борейко позднее дал подписку оккупантам, что ничего не видел. Могилы были зарыты на следующий день.

Эти свидетельства очевидцев совпадают с описанием А. Эзергайлиса. Он утверждает, что главные убийцы в этой акции были местные полицейские. «Расстрел происходил вблизи кладбища. На место преступления пригнали 200 мужчин, женщин и детей. Евреям приказали сесть в 50 м от ям, которые были 2 м шириной и 20 м длиной. Их по 10 человек ставили на колени у края рва, и взвод латышей из винтовок стрелял каждому в затылок»²⁹.

Десятки свидетелей знают о расстрелах, которые происходили в первые две недели июля 1941 г. за тюрьмой. Они слышали выстрелы, как правило, рано утром или поздно вечером. Однако никто из них не был прямым или косвенным свидетелем трагедии. Как пишет А. Эзергайлис, с начала оккупации и до 13 июля 1941 г. в городе действовала часть специальной команды эйзаценгруппы (ЕК-1b) под командованием доктора права оберштурмбанфюрера (подполковника) Эриха Эрлингера. Согласно отчету этого «правоведа», в городе тогда было уничтожено 1150 евреев. Сама карательная команда состояла из 110 человек³⁰.

Первые две недели июля еврейское население еще оставалось в своих домах, но это были недели, полные ужаса. Х. Покерман свидетельствовал: «... в Даугавпилсе был такой порядок, что любой нацистский солдат, полицейский или жандарм мог явиться в любую квартиру, в которой проживали евреи, и отобрать... то, что им понравилось... а если им сопротивлялись — расстреливали»³¹. В квартирах убитых евреев новые власти стали вселять погорельцев. «В первые дни войны сгорел дом на Новом Строении, где мы жили. Родителям предложили квартиру где-то в городе. Они пошли, посмотрели и отказались, так как квартира была со всеми вещами, как будто только что здесь жили люди. Мы никогда там не были бы счастливы. Это была квартира какой-то еврейской семьи», — вспоминает Л. Т. Васараудзе.

Г. Макушева рассказывала: «Иду по тротуару, а по дороге идет знакомый водопроводчик Покерман со звездами на одежде. Им нельзя было ходить по тротуару. Мне стало как-то неловко. Почему это так?» В. Тымшан запомнила, как «по ул. Виестура гнали евреев в сторону тюрьмы. Одна старая женщина уже не могла идти. Немец стал кричать на нее, выгасил ее из толпы на тротуар и застрелил». Мать А. Козлова несколько раз давала сверток с едой сыну: «Отнеси соседке еврейке». Однажды мальчика заметил немецкий патруль, проезжавший на мотоцикле по ул. Ригас, и крикнул: «Хальт!» «Я испугался, бросил сверток, побежал на второй этаж какого-то дома. Немец открыл огонь, еврейка была убита».

В эти дни начались погромы синагог. Евреев загоняли внутрь, требовали денег, даже распространилась молва, что евреи именно в синагогах прячут золото. Нашлись «очевидцы», утверждавшие, что золото обнаружено в синагоге, находящейся на углу ул. Краславас и Саулес³². По свидетельству А. Бляхмана, «2—3

июля в Гайке была подожжена синагога вместе с находившимися там 50 евреями...»³³ Об этом автору не раз приходилось слышать от бывших узников гетто. А вдруг это миф: пострадавшие иногда преувеличивают свои страдания, хотя они и без того пережили то, что пережить и забыть, казалось бы, невозможно. Более чем через 60 лет нашлась очевидица этого преступления Антонина К.: «В Гайке, на углу ул. Видус и Фабрикас, недалеко от реки, находилась синагога³⁴. Это было двухэтажное каменное здание из белого кирпича с решетками на высоких окнах и массивными коричневыми дверями³⁵. Как-то из города пригнали группу евреев из 50 человек. Их загнали в синагогу. Забили двери. Вокруг стояла охрана. Мой отец узнал одного из них, Янку: “Ну, этого Янку убить мало, свой человек, а таким делом занят. Креста на нем нет”. Мы стояли на другой стороне улицы. Охранники с белыми повязками на рукавах гоняли смотрящих. Около дверей стоял немец с собаками. Отец сказал: “Что-то будет”. Мы почувствовали какой-то едкий запах, появился дым, и вдруг внутри синагога загорелась. Евреи кричали дикими, нечеловеческими голосами. Люди, стоявшие на улице, плакали и кричали от ужаса». Кто отдал этот варварский приказ, кто исполнил его, кто были эти несчастные евреи? Ответа нет.

15 июля 1941 г. последовал приказ префекта полиции Р. Блузманиса: всем евреям перебраться в предмостное укрепление, где, согласно его инструкциям, было организовано гетто. Комендантом гетто был назначен Волдемар Заубе. Срок исполнения приказа — до 26 июля, в случае неисполнения — расстрел.

Некоторые соседи услужливо указывали будущие жертвы, полицейские «помогали» очистить город от «чуждого элемента». Ряд свидетелей запомнили эту горькую мрачную картину: евреи двигались навстречу смерти. Мужчины, женщины, дети, старики, инвалиды на колясках. Самое необходимое и дорогое капили люди на тележках. Один из очевидцев, пожелавший остаться неизвестным, рассказывал: «Дорога, даже воздух пожелтели от звезд». Х. Марцинкевич с ул. Видземес помогала своей беременной соседке Давидович собраться в дорогу, с которой не было возврата. Часто евреи отдавали соседям вещи или просили присмотреть за квартирой. «“Возьми велосипед”, — а потом передумал и говорит: “Возьми лыжи», — были последние слова еврейского паренька соседу А. Козлову с ул. Ригас. Мэру Кран, жену адвоката с ул. Зеленой (Имантас), которая еле ходила, посадили на машину. Жестянщик Клемпман с ул. Райниса перед уходом пророчески сказал: «Пока мы в городе, всех не перестреляют. А вот когда сгонят всех в одно место — это гибель» (воспоминание С. Кудина).

Старожилы, разумеется, не могут знать о событиях в гетто — они не были их очевидцами. Как явствует из исторических фотографий, евреи лежали под открытым небом, женщины стирали, сушили белье, пытались что-то стряпать, дети играли³⁶. Некоторые не могли даже попасть на территорию гетто, настолько оно было переполнено. Они расположились на берегу реки рядом с предмостным укреплением. И. Половинкин подтвердил реальность событий: «Проезжая на телеге по понтонному мосту, я видел женщин, детей, лежащих на земле около стены гетто. А был уже сентябрь, холодало...» Горожане по-разному реагировали на происходящее. Евреи ходили по дороге как прокаженные. Кто-то смотрел на них с усмешкой, с нескрываемым злорадством. Большинство делало вид, что их, слава Богу, это не касается. Но были люди, которые около края тротуара оставляли свертки с едой, теплыми вещами (свидетельство А. Раковской). Мальчик Лева прибежал к соседке: «Спасите, помогите, бьют камнями». Моя мама забра-

ла его домой, приласкала (И. Ионан). «Как-то шел с отцом, вижу группу бредущих мужчин со звездами: “Папа, кто это? — Это евреи”. Я впервые услышал это слово» (воспоминание Герберта Б.).

Ряд очевидцев воссоздали своими рассказами картину грабежей еврейских квартир и магазинов. «Не грабил только ленивый», — считает И. Янчук-Янкович. Бывшая жительница ул. Видземес Евдокия О. рассказывает, как она прибежала в дом еврея и схватила ухват для печки — очень уж удобный он был. Потом побежала в магазин за шоколадкой, но не получила, так как кто-то из мужиков вытолкнул ее. Девочка получила синяк вместо шоколадки. А нацисты стояли на улице и смеялись, глядя, как грабят еврейское добро. Мужчины пытались поживиться водкой, женщины таскали продукты из подвалов. Кто-то из Малиновских схватил какой-то кувшин, оказавшийся с золотыми монетами внутри. Вскоре они купили квартиру в Риге. сосед-бедняк во дворе проветривал дорожную каракулевую шубу. Но Франц Марцинкевич говорил своим родным, чтобы не грабили чужое.

Во второй половине июля и в августе 1941 г. в гетто было уничтожено более половины еврейского населения города и часть беженцев из Литвы,³⁷ а евреи из Краславы, Гривы, Вишек, Индры и других окрестных городов и местечек³⁸, а также из Видземе³⁹. Жизнь в гетто подробно описана его бывшими узниками С. Ивенсом⁴⁰, С. Шпунгиным⁴¹ и др., а также даугавпилским краеведом З. Якубом⁴². Отдельные моменты истории Даугавпилсского гетто рассматривает и автор этой статьи⁴³.

Ответственность за порядок в гетто была возложена на префекта полиции. В гетто был создан еврейский совет — юденрат, отвечавший за выполнение инструкций. В состав юденрата входили председатель, управляющий питанием, врач. По рассказам узников гетто, состав юденрата менялся, но его членами обычно были врачи. Председателем юденрата был назначен инженер Мовша Мовшензон. 25 сентября 1941 г. М. Мовшензон обращается к городской управе с просьбой «разрешить нам получить школьный инвентарь для оборудования школы»⁴⁴ — маленький, пожелтевший от времени листок, вырванный из тетрадки в линейку⁴⁵. Сколько надежды — надежды на жизнь, на спасение детей, на то, что продолжения акций не будет! Этот документ был написан после четырех крупнейших акций уничтожения 28 июля, 1, 18 и 19 августа. Были уничтожены старые и нетрудоспособные евреи, а также несколько сотен еврейских сирот, которые находились в детских домах⁴⁶. Представляется, что и после этих расстрелов количество сирот было значительным. О них и решил позаботиться М. Мовшензон⁴⁷.

В гетто была «своя» полиция, вооруженная деревянными палками и нагайками. Они носили на рукавах красные ленты с шестиконечными звездами. 30 июля в специальной директиве было отмечено, что евреям разрешено купаться в Даугаве. Купание мужчин проходило с 7 до 8 и с 14 до 15 часов, а женщин — с 8 до 9 и с 15 до 16 часов⁴⁸. Однако в те жаркие июльские и августовские дни этого было недостаточно. «Из гетто женщин вели мыться в баню на ул. Видземес. Баню охранял немец. Моя мама Хелена Марцинкевич давала ему сало и яйца, и он пропускал ее в баню, где мылись евреи. Мама помогала мыться беременной соседке Давидович. Она просила что-нибудь теплое. Мать принесла ей шарф, свитер, несколько раз приносила продукты в баню», — вспоминает А. Марцинкевич.

В гетто узники были разделены: женщины и дети до 14 лет находились в одной части предместного укрепления, мужчины — в другой. Мужчины и женщины могли встречаться только во дворе гетто и не позднее 9 часов вечера. Это правило часто нарушалось многими стариками. Мой дед Борис Рочко несколько раз навещал свою невестку Зару и двух любимых внуков — Хаю Душу и Израила Сендера⁴⁹ на женской половине гетто (из письма Л. Колтун).

Из воспоминаний А. Магида, бывшего узника: «В гетто тоже была своя жизнь, и люди, которые все были обречены на обязательную смерть, занимали различное, как в жизни, положение. Были и низы, и верхи, а некоторые были даже засекречены, находились у немцев на секретной работе. Каждое утро их куда-то увозили, а вечером привозили обратно; никто, конечно, не знал, в чем состоит их служба, и только я совершенно случайно узнал об одном из них. Это был владеец галантерейного магазина Авербух, мой бывший пациент. Так хотите знать, кем он работал? Он был у с п о к а и в а ю щ и м. Он, когда прибывали на вокзал эшелоны со смертниками, которых тут же, после разгрузки, выводили за город и убивали, стоял на перроне, хорошо одетый, в хорошем костюме, выбритый и причесанный, встречал приезжающих и вместе с другими, выделенными на эту работу, сопровождал людей до самого места казни и, когда начинались волнения или паника, успокаивал их и говорил: “Ну что вы волнуетесь? Видите, я такой же еврей, как и вы. И ничего со мной плохого не сделали, здесь очень сносные условия, посмотрите на меня и скажите: разве я похож на жертву? Перестаньте валять дурака и успокойтесь...” А потом, когда их доставляли, он сдавал костюм на склад, переодевался в свои лохмотья с желтой звездой и ехал назад, в крепость... И так каждый день, пока до него самого не дошла очередь. И вы знаете, этот Авербух не считал, что он поступает плохо, он считал, что делает хорошо, потому что люди нуждаются в моральной поддержке, а габитскомиссар Швунк и комендант гетто Табберт радовались, что избегают паники...»⁵⁰

О крупнейших акциях уничтожения в гетто рассказывается в трудах З. Якуба и А. Эзергайлеса. Небольшие акции фактически происходили чуть ли не ежедневно. Даже члены юденрата не могли чувствовать себя в безопасности. В тени смерти был любой еврей. Крупнейшими местами расстрелов стали Межциемс (Погулянка) и Зелткэлнс (Золотая горка) за бывшим льнозаводом.

Рассказы очевидиц Л. Селицкой и Е. Одинец были идентичны: «Рано, где-то в четыре-пять часов утра, по ул. Авеню из крепости в сторону льнозавода гнали людей на расстрел. Был слышен плач гонимых, а потом через некоторые время — выстрелы. Полицейские Пипины (возможно, Пипцины) помогали немцам, раздевая несчастных».

В. Цикунов: «Евреев ввели по ул. А. Пумпура в сторону Зелткэлнса. Охранники-латыши были пьяными. Как правило, впереди шли немцы». Этот же респондент рассказал, что жители близлежащего района ждали акций. Спустя несколько часов на подводах с Зелткэлнса везли одежду убитых. Полицейские, сопровождающие подводы, отгоняли близко подошедших людей, угрожали пристрелить. Видимо, не хотели, чтобы другие поживились еврейским добром, «честно ими заработанным». «Распространился слух, что евреям грешно умирать с золотом, а потому они перед смертью закапывают его. Молодые мужчины 25—30 лет сидели за горкой, как пауки, ожидая расстрела. А потом бежали туда, находя там кольца, драгоценности».

Л. Евстафьев видел обреченных в другом месте и в другое время. «Гнали колонну по Шоссейной ул., а затем поворачивали налево на ул. Вентспилс, в сторону Зелткалнса. Гнали обычно вечером. В колонне было от 300 до 500 человек. Евреи растягивались на два-три квартала. Люди пытались давать несчастным хлеб, полицейские отгоняли, били прикладами».

В. Новицкий вспомнил, что видел евреев, которых гнали с вещами по ул. Гродняс и Шоссейной. Их охраняли полицейские с повязками цветов латвийского флага. А. Плечкиной запомнилось, что колонны евреев повернули с ул. Шоссейной на ул. Валкас. Они бросали вещи на углу этих улиц. Видимо, поняли, что им уже ничего не нужно.

И. Недведцкая восприняла трагедию по-другому: «Евреев гонят по ул. А. Пумпура мимо артбазы в сторону Зелткалнса. Двое полицейских ведут 15 евреев, в том числе детей. Мы удивлялись: вели бы поляков, то мы бы дрались». Через часа четыре на подводах везут вещи. Помню, Пипцины-полицейские пьяные идут. Люди выскакивали из домов и говорили: “Эй, брось тряпку”. Такую картину свидетельница наблюдала один-два раза в неделю. И. Недведцкой вторит П. Карпов: «Шли, как бараны на убой. Мы бы, русские, дрались бы до последнего».

Почему евреи не сопротивлялись?

Во-первых, психологически человеку свойственно надеяться на лучшее. Вторых, молодежь, которая могла сопротивляться, опасалась за жизнь старших. В-третьих, в таких условиях гонимые не успели организовать себя. В-четвертых, некоторые верующие воспринимали несчастье как наказание за грехи всех евреев. (Миллионы советских военнопленных, имевших оружие, также не сумели организовать сопротивление.)

Антон М., также близко видевший обреченных на гибель людей, утверждает, что сначала их раздевали, а потом гнали к ямам. Расстреливали местные полицейские, в оцеплении стояли немцы, получившие самые дорогие вещи, а закапывали жители с близлежащих улиц, например, с ул. Видземес. Последнее свидетельство нашло документальное подтверждение: землекопам, видимо, в зависимости от сноровки, было заплачено от 15 до 30 еще советских рублей⁵¹.

Я. Нарбут и другие жители Старого Форштадта однажды рано утром так близко подошли к месту расстрела, что каратели стали стрелять в воздух. «Люди разбежались. Через несколько часов появились пьяные полицаи с винтовками через плечо, таща с собой сумки. Среди них Тартар с ул. Вентспилс, другой — по кличке Шкварка с ул. Айзпутес. Их было шесть-семь человек. На улице были брошены детские коляски, пустые баулы. Мы пошли к месту расстрела. Это был ров шириной три-четыре метра, земля еще “дышала”. Стреляли разрывными пулями, кругом валялись лоскуты кожи с седыми и черными волосами. Было много разбросанных фотографий. Мы их рассматривали. Люди находили золото, приходили с граблями, палками с набитыми гвоздями и не один день гребли землю». Глухонемой сосед Андрей с места расстрела привозил вещи телегами, а затем вселился в пустую еврейскую квартиру (воспоминание Л. Евстафьева).

Рассказ респондента В. Глаголева, жившего на перекрестке ул. Вентспилс, Елгавас и Ятниеку, позволил установить еще одно место расстрела. Он поведал автору, как ночью, возвращаясь с работы, в пекарне недалеко от дома видел крытые брезентом машины, в которых находились обреченные евреи. Из машин были слышны крики, плач, ругань. Через некоторое время в предраассветной мгле прозвучали выстрелы. «Днем с мальчишками бегали к месту расстрела, что ря-

дом с оз. Пороховка⁵². Около свежих засыпанных рвов валялись рваные советские деньги, брошки. Расстрелы продолжались в течение месяца, машины проходили мимо дома два раза в неделю».

Прошло более 60 лет со времени тех событий. На местах массовых расстрелов построены дома, проложены дороги, шумит сосновый лес, кости истлели, рвы заросли травой, убийцы давно замолили грехи. Нет здесь только памятника невинно убиенным. Ничто не напоминает сегодня здесь о минувшей трагедии.

Более известным местом массовых расстрелов является Межциемс (Погулянка).

И. Половинкин видел, как летом 1941 г. евреев гнали по дамбе. «В колонне было 150—200 человек. Охраняли полицейские: один шел сзади, другой — спереди, немцев не видел. Евреи читали молитвы, дети плакали. Их загоняли за вал, там они оставляли чемоданы, коляски. Сами немцы, стоявшие в карауле, закрывали уши от ужасных криков. Любопытные сидели на деревьях, смотрели. Моя мама, слыша выстрелы, плакала, крестилась». Этот же очевидец сравнил муки евреев с адом, царившим в лагере для советских военнопленных, где были даже случаи людоедства⁵³. И. Половинкин вспоминал: «Каждое утро мимо нашего дома проезжали три-четыре телеги с мертвыми красноармейцами. Вид трупов был ужасен. Пленные, сопровождающие телеги на кладбище, говорили, что им приходилось есть печень, сердце еще не остывших трупов своих товарищей».

Сестры Э. Продишка и Ч. Антане, жившие в Погулянке, рассказывали: «Мимо нашего дома гнали колонны евреев на расстрел. Несчастных раздевали на какой-то даче по ул. Парка, 2. Через некоторое время были слышны выстрелы. На той даче были брошены документы и фотографии». Видимо, не о золоте думали обреченные на смерть, а о своих близких. Э. Продишка: «Иногда проезжали автобусы, в них на коленях стояли люди. Несколько раз мы приходили к ямам. Над ними по вечерам подымался такой туман, как дымка, как мгла. Через трещины в земле просачивалась кровь, валялись куски черепов». Ч. Антане запомнила, что лес был оцеплен людьми в немецкой форме. Евреев гнали ко рвам, ставили лицом к ним, а затем по сигналу стреляли в затылок. Проходил человек и что-то белое сыпал в эти ямы⁵⁴. Обеим сестрам запомнился такой эпизод: евреев везли на расстрел в грузовых машинах с брезентовым тентом. Двое парней, разрезав брезент, выпрыгнули из машины. Один побежал в сторону Даугавы, другой — в сторону дач. Немцы открыли огонь. Первый был убит, и сосед Кузьма Селиванов тут же снял с него сапоги. Второй побежал по ул. Альберга и спрятался в каком-то сарае. Утром еврей вышел из сарая, его заметил Федула Селиванов и побежал за ним, сдав проезжавшим мимо немцам. В. Новицкий также запомнил, как однажды ночью шли машины с брезентовым верхом. В них сидели люди в нижнем белье. Поговаривали, что их везут в «баню».

Кто же ответственен за расстрелы евреев в Даугавпилсе летом 1941 г.?

После 13 июля, когда город покинула часть команды *ЕК-1b*, ответственность ложится на команду *ЕК-3* во главе с оберштурмфюрером (старшим лейтенантом) Иоахимом Хаманом. Согласно его отчету, гитлеровцы в этих акциях уничтожили 9012 человек⁵⁵. С 22 августа по 15 октября крупных акций не проводилось, хотя расстрелы были. Генерал В. Шталекер в своем отчете от 15 октября указывает 8945 жертв⁵⁶. Обе цифры мало различаются, подтверждая достоверность и масштабность преступления. Активно участвовали в этих убийствах и 240 местных полицейских под командованием капитана Петерсона и

городского префекта Р. Блузманиса. Начальник первого участка полиции А. Саркарнис в своем отчете отметил, что его подчиненные понимали, что убийствами помогали христианской цивилизации, причем недостатка в желающих уничтожить евреев не было⁵⁷.

К началу ноября 1941 г. в гетто еще находилось около 7000 евреев⁵⁸. 8—10 ноября под руководством 25-летнего оберштурмфюрера (старшего лейтенанта) Гюнтера Хуго и Фридриха Табберта была проведена акция, стоившая, по разным данным, жизни еще 3000 евреям, сам же палач указывал, что 9 ноября было уничтожено 1134 еврея⁵⁹. В этом злодеянии участвовала и «команда Арайса»⁶⁰, производившая расстрелы в Межциемсе. Броня (Брайна) Маева, бывшая узница гетто, свидетельствует: «Осенью на площадь в гетто заезжали синие автобусы. Гетто перегораживали и людей загоняли в эти автобусы и увозили на расстрелы». «Осенью, где-то в ноябре, было холодно. Мимо нашего дома проезжали синие автобусы. Я видела, евреи в них стояли на коленях», — вспоминала Э. Продишка, бывшая жительница Межциемса.

По данным на 5 декабря 1941 г., в гетто оставалось 962 человека⁶¹. Эпидемия тифа в декабре 1941 г. и феврале 1942 г. унесла немало жизней ослабевших узников. 1 мая 1942 г. «команда Арайса» и местные каратели устроили в гетто кровавое побоище. Оно произошло утром, когда ремесленники, работавшие в городе и имевшие красные удостоверения, покинули гетто⁶². Уничтожено было почти 500 евреев, в живых оставалось 487 человек⁶³. Этим людей перевели в крепость, где они работали в сапожных и швейных мастерских, а также в городе. Фактически это было «малое гетто».

А. Козлов, работавший в крепости рядом с евреями, рассказал, что там перебирали и штопали одежду, а на складах лежали горы обуви, и надо было подобрать пары. Однажды он решил заговорить с одним евреем. «Это заметил немец, подскочил ко мне и палкой избил меня по голове до крови так, что палка сломалась». Видел респондент и еврейку — зубного врача. В кабинете всегда была открыта форточка, и за ней все время наблюдал охранник. Бывший узник И. Хурин утверждал, что в гетто зубы не лечили, а только рвали.

Старший лейтенант медицинской службы Т. Репина, участвовавшая в освобождении города, записала в дневнике рассказ О. Киреевской, которая в годы оккупации работала в крепости. «На этих же складах на самых грязных работах трудились евреи — они стирали и сортировали нижнее окровавленное белье, а также работали на вредном производстве — в газокамере-вошебойке. Никакого отдыха им не полагалось. Все евреи на груди носили желтую звезду, ходить им разрешалось только по мостовой. Немцы держали их в крепости. По большим советским праздникам их партиями выводили и расстреливали. Пьяные... отбирали у евреев драгоценности, дорогие материи, откусывали пальцы с кольцами... В последнее время в крепости оставалось всего 800 человек. Затем привезли беженцев, и они стали работать вместо евреев»⁶⁴.

Этот документ представляется нам не только субъективным, но и тенденциозным. Это связано с тем, что О. Киреевская сама пострадала в годы оккупации. Во-первых, в крепости было менее 500 евреев. Во-вторых, крупных расстрелов в 1942—1943 гг. в крепости не проводилось. В-третьих, сомнительно, чтобы узники носили кольца. Сами бывшие узники рассказывали, что условия существования в крепости были лучше, чем в «большом гетто». 28 ноября 1943 г. последних узников гетто отправили в Ригу (в концлагерь Кайзервальда), а в 1944 г. на паро-

ходах они были доставлены в Данциг (Польша), а затем распределены в концлагеря на территории Польши (Штуттоф, Берген-Бельзен и др.).

В конце 1943 г. из Саласпилсского концлагеря в Даугавпилс прибыла специальная команда из 30 евреев под руководством команданта лагеря оберштурмфюрера Курта Краузе⁶⁵. Они разрывали рвы, вытаскивали трупы из могил, обливали их какой-то жидкостью и сжигали. Э. Продишка свидетельствует: «Наверное, две недели над лесом поднимался темно-серый дым, пахло горелым мясом. Запах был нестерпимый, его невозможно забыть».

Свидетели рассказали о судьбе вещей, которые принадлежали евреям. Конечно, часть досталась нацистам, местным карателям и грабителям, а оставшееся было свезено в склад-магазин, на углу ул. Виестура и Ригас. После сортировки их выдавали погорельцам, а остатки распродали. Покупали не все...

Весной—летом 1944 г. убийцы засуетились. Жена карателя Пипцина зашла к Недведским: «Я вам оставляю ключик от сарая. Мы подумали, что там дрова. Как-то открыли сарай: набит вещами. Мама бросила замок, оставив сарай открытым, сказав: “Это же людская кровь”», — вспоминает И. Недведцкая.

Судьбы почти 40 даугавпилских синагог были различны. Часть деревянных синагог сгорела в 1941 или 1944 г., как на ул. Видземес, а одноэтажную деревянную синагогу на углу ул. Гродняс и Страдниеку растащили на дрова. В одной из синагог нацисты во время войны устроили мастерскую, где работали советские военнопленные; другие разрушенные синагоги были разобраны местными жителями на хозяйственные нужды.

Не придуманные истории

О реальных событиях в гетто автору рассказали и написали бывшие узники. Сегодня из более 15 тыс. остались в живых не более двух десятков человек, проживающих в Латвии, Израиле, США, ЮАР, Австралии, Германии, возможно, и в других странах. Во время работы над этой статьей в Латвии таких было четверо: Брайна (Броня) Маева и Израиль Хурин, Евгения Боровская и Рива Лоцова (все — рижане).

Броня Маева (урожд. Брайна Вышкина) находилась в гетто фактически со дня его создания. Считает, что спаслась благодаря П. Афанасьеву, цепочке счастливых случайностей и вере, что она не погибнет. В первые недели Броня убежала из гетто, но оставаться у спасителей было опасно. Пришлось вновь вернуться в гетто, где ее случайно записали в «ремесленники». Она же сообщила, что в гетто была и внутренняя тюрьма («кутузка»). Туда узники попадали за несанкционированные попытки внести в гетто продукты, получить красные удостоверения ремесленника и другие «проступки». Она не может забыть, как Мина Гец (урожд. Гительсон) попросила достать ей подушку. Б. Маева это сделала. Однако через несколько дней Мина была повешена, так как в злосчастной подушке были обнаружены драгоценности⁶⁶. Еврейку повесили, но было объявлено, что та «нарушила» правила распорядка. Находясь в крепости, Б. Маева попала в команду немца Нилеса, которая ездила по деревням и заготавливала продукты, дрова, работала в парниках, на огородах. Так она познакомилась с агрономом Петром Афанасьевым, который сочувствовал узникам и обещал им помощь.

В октябре 1943 г. при закрытии гетто в крепости часть узников решили, что им пришел конец. Б. Маева в пальто прыгнула со второго этажа. Ее подруга Мира Мусина тоже прыгнула, но попала в бочку, которая, упав, с грохотом прокати-

лась мимо ошалевшего полицейского. Женщины бросились бежать, полицейские погнались за ними, открыв огонь. Мира Мусина отдала догнавшему ее полицейскому золотые часы. Чудом им удалось добраться до П. Афанасьева. Там они девять месяцев просидели в подвале, где было невозможно разогнуться.

Однажды в гости к П. Афанасьеву заглянул начальник «хозяйства 322» Данзельман отметить Новый, 1943 год. Он вдруг заметил, что у пола нет плитусов. «А мы их оторвали — в подвале сверчки», — ответил П. Афанасьев. Одни праздновали Новый год, другие в ужасе лежали в подвале...

В 1944 г., когда город бомбили, спаситель решил перевезти евреек к брату в Краславу. Несчастных женщин посадили на телегу: М. Мусину положили в шкаф-пенал, Б. Маевой дали костыли, так как она уже не могла ходить, и положили на телегу, прикрыв сеном. Жена Петра Афанасьева Люция Ивановна, нервничая при снаряжении повозки, сказала в сердцах: «Спасая не ради вас, а ради своего мужа». Но спасаемые всё ей простили. По дороге на Краславу странная телега была остановлена немецким патрулем. Помогло чудо: началась бомбежка, и патруль разбежался. А П. Афанасьев погнал взбесившихся лошадей с «еврейским» грузом. Люди были спасены.

Израиль Хурин, как уже было сказано, пытался с семьей эвакуироваться, но был остановлен на бывшей латвийско-советской границе и вернулся в Дагду, где уже были нацисты. Их загнали в какой-то подвал. Удалось откупиться от охранника, но по дороге был убит брат, а Израиль добрался до родного города, где попал в гетто. Он, как и Б. Маева, помнит, что полицейские врвались в гетто, забирая людей на работы. Возвращались не все. Бывший узник помнит, как Маша Шнейдер была повешена на площади за то, что сожительствовала с полицейским. Три дня ее труп висел для устрашения. Однажды пьяные полицейские уже загнали И. Хурина в какой-то сарай для уничтожения, но удалось откупиться. Другой раз пьяный эсесовец бросил в него ножницы — повезло, успел увернуться. В 1943 г. И. Хурин был переведен в концлагерь Кайзервальд в Риге, работал на фабрике «Лента». Затем мучители пешком перегнали его в Саласпилский концлагерь. По традиции «новобранец» был избит на входе в лагерь. В 1944 г. он вместе с рижскими узниками был вывезен в душном трюме парохода в Данциг, а затем на барже — в концлагерь Штутгоф. Там узника № 95889 потрясло, как запряженные в телеги люди перевозили мертвецов в крематорий. В марте 1945 г. обессилевшего И. Хурина и его товарищей охранники пытались сжечь, но подошла Красная армия. Самым сильным чувством в гетто был страх: страх за жизнь — свою и близких. Смерть всегда была рядом. Поднял окурок, не снял вовремя шапку — расстрел. И после войны он боялся есть, чтобы не умереть, боялся человека в милицмейской форме. Бывший узник гетто и лагерей смерти считает, что нынешнее поколение мало интересуется трагедией еврейского народа.

Евгения Боровская (урожд. Либерман) родилась в 1922 г. в Даугавпилсе в состоятельной семье врачей. Дед был владельцем хутора Стразды в Старых Стропах. Его соседями были Думеш, владелец мельницы Магарамм, у которого работал Давид Столяр. До войны Евгения успела окончить 10 классов. Помнит, что 17 июня 1940 г., в день, когда подразделения Красной армии вошли в Даугавпилс, часть людей были рады, обнимались, целовались, плакали. Люди надеялись, что будет работа.

Через несколько дней после начала немецкой оккупации ее отец Наум Либерман был расстрелян около тюрьмы. Евгению вместе с другими родственниками

выволокли из дома и отправили в гетто. Их соседями в гетто оказались Пуклины. Е. Либерман мыла казармы в городе, но всегда боялась проходить мимо комендатуры. 1 мая 1942 г. погибла мать девушки Софья Либерман. Однажды при очередной проверке узница пыталась перейти в другую группу, но немец, тряхнув девушку, сказал «стой!» и тем самым спас ей жизнь. В крепости, где находились узники, ее подругами стали Рива Лоцова, Элла Фейгина, Ита Розенберг, Рохя Остринская. Иногда пожилой немецкий унтер (его называли «фатер» — отец) приносил котелок с едой, оставшейся от немецких солдат.

В 1943 г. узники постоянно ждали акции. 28 октября 1943 г. крепость была окружена. Евгения Либерман и Элла Фейгина забежали в какой-то дом, забрались на чердак. Отсидев там два дня, они решили спуститься в кладовку, но их заметили и выдали полицейским. Узниц в сопровождении охранников, которые уверяли евреек, что им не спастись, отправили в тюрьму. Последовал путь в товарных вагонах в рижский концлагерь Кайзервальд. До сих пор бывшая узница не может забыть огонек в каком-то доме в лесу: там шла мирная жизнь. Будучи узницей Кайзервальда, Евгения работала на *АEG* (бывший завод «ВЭФ»). В 1944 г. она вместе с другими задыхалась в трюме корабля, когда их перевозили в Данциг. Затем последовало заключение в Штутгоф. В 1945 г. оставшихся узников перегнали куда-то еще. Евгения и Элла отстали от колонны. Случайно девушки набрали на какой-то брошенный дом, нашли там хлеб, сменили полосатую концлагерную одежду. Проходившие мимо немцы уже не обращали на них внимания. Но неожиданно появились местные мародеры, и девушкам пришлось уйти в лес, где они наткнулись на советских разведчиков.

Ныне Евгения Борисовна Боровская живет в Риге, работает учительницей английского языка в школе.

Ита Белл (урожд. Розенберг) до войны вместе с родителями, бабушкой и дедушкой проживала на ул. Имантас, 42. Училась в еврейской школе, где ее одноклассниками были Марголин, Сара Бдиль, Сара Штейман, Рива Эльцефон, Сима Гравиц, Гриша Рабинович, Давид Блайер, Яша Добрин, Люся Розенблюм, Эстер Львова и др., которые впоследствии были уничтожены в гетто. В воскресенье 22 июня 1941 г. Ита с подружками пошла купаться. Неожиданно к ним подъехала машина, и солдаты, известив их о начале войны, отправили девочек по домам. День прошел обычно, только родители по опыту Первой мировой войны отправили Иту купить соли. По ночам семья Розенберг отсиживалась в подвале, эвакуироваться собрались, когда уже было поздно.

В гетто девочку заставляли мыть казармы, выполнять другие работы. В октябре 1943 г. она на несколько недель попала в Рижское гетто, а оттуда — в концлагерь Кайзервальд и работала на участке сборки кабелей фирмы *АEG* (в помещениях завода «ВЭФ»). Немецкий унтер-офицер Вейль что-то «напутал» со списками узниц, и несколько десятков женщин вместо отправки на смерть остались работать. Затем последовал страшный путь на пароходе в Данциг, а затем Штутгоф. Там она была отправлена вместе с другими в газовую камеру. Узники вошли в нее, постояли и... вышли через другую дверь. Почему? Просто кончился газ. Так на свое 18-летие девушка получила в подарок жизнь. Спустила несколько дней она была освобождена Красной армией. Через 60 лет бывшая узница вновь посетила места своих мучений. В архиве лагеря смерти она обнаружила карточку, где указана дата поступления Иты Розенберг в лагерь смерти и дата... смерти. Немецкий чиновник уже вписал дату ликвидации узницы. Сегодня Ита Белл живет

в кибуце Кфар-Блюм в Израиле и на ее столе лежит копия карточки с датой смерти. Педантичный немецкий чиновник немного поторопился...

Лея Колтун (урожд. Лесина) вместе с мачехой — тетей Зелдой и братиком Мойшеле оказались в гетто. Им повезло: они попали в дальний угол гетто. Те, кто был поближе к воротам, сразу попали под акции. Однажды, когда подходила и их очередь, в ворота гетто вошла партия «ремесленников». Им удалось присоединиться к «ремесленникам». 7 ноября 1941 г., во время кровавой акции, сестры Рахиль Горовая и Песя Цис, работавшие портнихами, записали 15-летнюю Лею в состав их семьи и тем самым спасли девочку. 1 мая 1942 г. во время ликвидации «большого гетто» она была на разгрузке вагонов, а братик был убит. 28 октября 1943 г. во время последней акции Лея пыталась спрятаться в проломах крепостной стены, но немецкая овчарка обнаружила еврейскую девочку. Последовала голод, холод и мучения в концлагере Кайзервальд, где на нарах спали по шесть человек, а затем лагерь Эреда (у г. Кохтла-Ярве, Эстония), где узницы копали серую глину. Мучения продолжались. В 1944 г. на пароходе Л. Колтун была отправлена в Данциг, а затем в Штутгоф. На корабле не было туалета, еды и воды. Однажды ночью все были подняты по тревоге: «Пожар!» В Штутгофе кормили баландой из крапивы один раз в день. Железную миску давали на двоих без ложек, надеясь на ссоры узниц. Затем последовали концлагеря Нойенгам и Берген-Бельзен, где от перегрузки вышел из строя крематорий. Опять повезло. Тиф добивал последних узников. Группы собирали в штабеля и поджигали. Разве можно было выжить? Но Лея Колтун выжила, в апреле 1945 г. ее освободили англичане.

Хава Бейлина (урожд. Сипина) родилась 1927 г. в семье дантиста. Она прошла мученический путь от ворот Даугавпилсского гетто до крематория Штутгофа. В огне Холокоста погибли 52 ее родственника. В своем письме она сообщила, что ее отец, попав в тюрьму в июне 1941 г., был вскоре отпущен, а еще ему разрешили взять с собой соседа — доктора Розенблюма. Х. Бейлина считает, что к врачам оккупанты относились лучше, чем к другим узникам. Например, во время ноябрьской акции 1941 г. врачей выделили в отдельную группу, оставив в покое. Видимо, нацисты нуждались в таких людях. Ее воспоминания подтверждают, что в первые недели существования гетто было открытым. Люди могли выходить, но обязаны были возвращаться. Рядом с гетто располагалась австрийская войсковая часть. Австрийцы помогали узникам: приносили канистры с бензином, мешок картошки в обмен на драгоценности. Х. Бейлина спаслась благодаря австрийцам, немцам, которые подбрасывали девочке еду, давая отдохнуть, когда она работала в крепости в команде № 322, латышу, который спрятал ее, больную малярией, в будке, еврейкам — Зисле и Зейде Гордон, которые не бросили подростка с обмороженной ногой. Узница Штутгофа № 95451 считает, что выжила потому, что работала на самых тяжелых работах. После войны Х. Бейлина, Л. Колтун, мой отец Г. Рочко, как и другие выжившие, не раз были вызваны в советские органы госбезопасности: «Как и почему вы выжили? Сотрудиачили с нацистами?» Ее спас зубной техник Абрам Магид, который поручился за Хаву.

Хаим Покерман (1900 г. р.) по специальности был прекрасным автомехаником и умелым сантехником. Он трудился в армейском гараже, ремонтировал машины, следил за состоянием сантехники в Доме единства (Народный дом). Часто с разрешения немцев брал с собой на работу брата Мейера. Однажды, вернувшись с работы, он не застал своих родных, в том числе жену и сыновей — Лазаря и Якова. В одну ночь узник поседел и постарел. Но самого его не тронули:

немцам нужны были его золотые руки. Видимо, при ликвидации «малого гетто» в крепости в октябре 1943 г. братьев Покерман оставили работать в армейском гараже, который находился в пригороде Даугавпилсе. За несколько дней до ликвидации «малого гетто» начальник гаража немецкий офицер Вальтер Кирх сказал братьям:

— Через три дня чтобы вас здесь не было, бегите!

— Почему вы это делаете?» — спросил Хаим.

— Вы очень хороший специалист, таких немного, а еще вы очень похожи на моего отца, — неожиданно ответил офицер⁶⁷.

В Даугавпилсе братья прятались в воронке, образовавшейся в результате падения авиабомбы. Свое укрытие они прикрывали листом железа, постепенно углубляя «жилище». Кто-то помогал несчастным евреям хлебом и водой. Но кто? По другим свидетельствам, братья Покерман прятались в подземных коммуникациях, их расположение Хаим хорошо знал. В июле 1944 г. солдаты Красной армии, освободившие город, обнаружили в яме обессилевших евреев. В госпитале Х. Покерман настойчиво требовал встречи с советским офицером. Ему он и рассказал, что Народный дом заминирован. Саперы вскоре обнаружили «кадскую машину» и обезвредили ее. Так узник гетто сумел спасти одно из красивейших зданий Даугавпилса, которое и сегодня украшает город.

Остался жив и спаситель братьев Вальтер Кирх. После войны он жил в Восточном Берлине. Ему удалось найти сестру, проживавшую в Западной Германии, в Мюнхене. Однако власти ГДР упорно не разрешали бывшему офицеру посетить Мюнхен. В 1955 г. при попытке нелегально преодолеть границу Вальтер Кирх был застрелен пограничниками ГДР⁶⁸. Человек, спасший двух евреев, погиб от «своих»...

Попала в гетто и семья ветеринарного врача Бляхмана: Абрам Бляхман (1904—1980), его жена Эстер (1909—1988) и двое их детей: дочь Сима (12 лет) и сын Изя (7 лет). До войны А. Бляхман с отличием окончил ветеринарное отделение медицинского факультета Латвийского университета. С началом войны опытный ветврач занимался отправкой лошадей на фронт, поэтому семья не успела эвакуироваться. А. Бляхману приходилось рыть окопы и рвы вокруг города. Э. Бляхман стирала, убирала и готовила для немецких солдат. Во время акции 7—9 ноября 1941 г. были расстреляны Сима и Изя. Однажды Абраму и Эстер Бляхман удалось бежать из гетто. Они прятались в лесах, в гумне, пока не добрались до Каллистрата Григорьева, проживавшего в деревне Селиховке (Бикерниекской волости Даугавпилсского уезда). Крестьянин спрятал несчастных евреев в амбаре за сеновалом. «Отец Каллистрата каждое утро брал... солому для коровы. Когда солома закончилась, старик увидел... еврейскую пару»⁶⁹. Семья русского крестьянина спасла семью Бляхман. После войны Абрам Бляхман работал главным ветврачом в Даугавпилсском районе. В семье родилась дочь, названная в память расстрелянных Симы и Изи — Маиза. Жизнь семьи Бляхман продолжается в детях и внуках...

Чтобы выяснить необычную судьбу бывшего узника гетто Абрама Магида, пришлось изучить воспоминания его дочери Беллы Левиной, воспоминания нескольких свидетелей, архивные документы, роман-эссе Л. Гинзбурга «Разбилось лишь сердце мое...». Сопоставление этих разных по форме, подчас противоречивых документов, написанных в разное время, наглядно демонстрирует трудности в установлении истины и субъективизм источников устной истории и мемуаристики.

Абрам Магид (1893 г. р.) не успел эвакуироваться и вместе с семьей был арестован в Асунской волости Даугавпилсского уезда. Арестованных отправили в Дагду, а затем в Даугавпилс. Он сумел выжить благодаря тому, что был высококвалифицированным зубным техником. Гебитскомиссар Швунк блистал золотыми протезами, изготовленными А. Магидом в августе 1941 г. К узнику, по его словам, приезжали даже немцы-заказчики из Риги. Он имел возможность кое-как жить, кормить свою семью, помогать другим. После 1 мая 1942 г. А. Магид был переведен в крепость. Ценой невероятных усилий и солидного подкупа узнику удалось перебраться с семьей в город, понимая, что гетто вскоре будет ликвидировано. Ему разрешалось свободно передвигаться по улицам. А. Эзергайлис отмечает, что дерматолог Вовси и зубной врач А. Магид работали в городе даже в 1944 г.⁷⁰ Респондент Н. Пашкевич также рассказал автору, что в 1944 г. лечился у доктора Вовси.

Когда казалось, что спасение близко, несчастных заметила бывшая соседка. Она стала орать во весь голос, звать полицию. Евреев схватили, погнали на вокзал, где формировался эшелон в Штутгоф. На вокзале А. Магида разлучили с семьей. Жена Эмма и 14-летняя дочь Роза были отправлены в лагерь смерти, где погибли. Главе семьи чудом удалось выскользнуть из толпы, сорвать с себя желтые звезды и бежать. Он нашел приют в семье М. Недведцкой. Мария Иосифовна Недведцкая переправила его на окраину города (в Ругелях) к Арсению Корнилову. Здесь в годы Холокоста наши приют 11 евреев. А. Магид прятался в хлеву, в сарае. (Одинокий А. Корнилов и после войны никогда не рассказывал о своем подвиге.) Однако надолго оставаться здесь было нельзя. Пришлось уходить... Но куда?!

Бывшая преподаватель Даугавпилсского педагогического института З. П. Возняк и доктор Виноградова рассказывают несколько иную историю удивительного спасения смельчака⁷¹. По их воспоминаниям, когда фашисты пришли арестовывать его семью, Магиду удалось скрыться через кухню, а затем спрятаться в развалинах дома на ул. Райниса. Там его обнаружила хозяйка дома — знакомая зубной врач Виноградова. Эта женщина, жившая на ул. Варшавас, 40, обратилась за помощью к родителям З. П. Возняк — Софье и Петру Силиньш. У них А. Магид прятался на чердаке. Здесь тоже было опасно. Софья Силиньш начала искать убежище за городом. На окраине города, в Ругелях, жила семья Бодендорф: отец Карл и дочь Мария с двумя детьми. Семья была очень бедной, ютилась в бане, ибо их дом сгорел. Они приютили А. Магида в сарае, где, закопавшись в сено, уже прятались Трегер и его жена Ида. Виноградова и семья Силиньш, которые сами нуждались, старались помочь спасителям и евреям. Но и здесь оставаться стало опасно. Фашисты присмотрели сарай Бодендорфов, где те скрывали узников. Они вознамерились устроить в сарае мастерскую. Мария Бодендорф сумела перевести евреев в деревню к Павлу Ашако, который жил в Литве около Зарасая. Там евреи дождались освобождения. Абрама Магида и других гонимых спасло мужество русских Виноградовой и Арсения Корнилова, польки Марии Недведцкой, украинки Софьи Силиньш (1885—1952), ее мужа латыша Петра Силиньша (1885—1960), русской Марии Бодендорф (1914—1991), ее мужа немца Карла Бодендорфа (1872—1943), литовца Павла Ашако.

После войны Абрам Магид женился на бывшей узнице Даугавпилсского гетто зубном враче Мире Мусиной, которую спасли Афанасьевы. В гетто М. Мусина потеряла дочь и мужа. Всю послевоенную жизнь Абрам Семенович Магид,

мужественный человек, посвятил розыску коллаборационистов. Он составил картотеку преступников и, сотрудничая с советскими органами правосудия, сумел опознать на улицах нескольких преследователей евреев, писал письма в ООН с требованиями привлечь к ответственности преступников, укрывшихся за рубежом. Страстный борец с фашизмом, он был одним из тех, кто предложил установить памятник жертвам нацизма в Межциемсе. Л. Гинзбург пишет: «...и все его в этом городе знали, немного побаивались и уважали по разным, очевидно, причинам. Для одних он был искусный протезист, для других — лицо, связанное с властями, для третьих — официально признанная и как бы узаконенная жертва фашизма, ветеран гетто, которого... даже за границу посылают...»⁷² По воспоминаниям моего отца, бывшего узника гетто Г. Рочко, А. Магид был «своим» и в горке партии, и в местной синагоге. Он пытался составить список узников гетто. В 50-х гг., по свидетельству С. Домашова, А. Магид принял активное участие в установке памятника погибшим евреям Дагды. В 1965 г. бывший узник гетто выступал свидетелем на процессе Г. Табберта в Дортмунде. Болгарская газета «Еврейские вести» и варшавская газета «Фолксштиме» в связи со смертью неутомимого борца с фашизмом (в 1967 г.) посвятили его памяти заметки. В них отмечалось, что благодаря стараниям Абрама Магида к судебной ответственности были привлечены более 50 человек, участвовавших в преследовании евреев⁷³.

В 1941—1943 гг. евреи еще оставались частью городской жизни. Их видели на улицах, они работали, пытались установить контакты с неевреями. Всегда находились благородные люди, пытавшиеся спасти евреев или хотя бы им помочь.

Сарра Зеликовская до войны вышла замуж за Цви (Гирша) Ихлова. В молодой семье 12 июня 1939 (1940?) г. родился сын Моше (Миша). Недолгим было еврейское счастье — началась война. Молодая семья оказалась в гетто. В одной из акций погиб Гирш Ихлов. Мальчик с мамой находились в гетто до 28 апреля 1942 г. В этот день начали распространяться слухи, что гетто будет уничтожено. Сарра Ихлова (Зеликовская) стирала белье для немецких солдат в прачечной, которая находилась в Доме единства (Народном доме). Она сумела спрятать ребенка в мешок и выйти за пределы гетто, направляясь на работу. Ей вновь повезло, и она сумела передать сына Текле Балодис. Это была одинокая 25-летняя женщина-инвалид. До войны Текля Балодис семь лет работала няней в семье Ихловых. Она жила на окраине города. Отважная женщина спрятала еврейского мальчика. Хотя она хромала, но все же сумела сделать подкоп под курятником, где в дневное время скрывался Моше. Мать работала в амбулатории гетто, где и иногда доставала лекарства и передавала их Текле Балодис для продажи. Жить-то надо было. В этом укрытии мальчик находился до освобождения города. (Правда, два месяца его прятала родственница Соня Слов.) Ребенок был настолько напуган, что после освобождения боялся дневного света, боялся выходить на улицу⁷⁴.

Гетто — это в первую очередь страдания, ужас и смерть одних и повседневная работа других (убийц). Но и в гетто люди влюблялись, женщины рожали, думали и заботились о своих детях. Брайна (Броня) Маева, бывшая узница гетто, рассказывала автору, что каратели врывались к женщинам и поздравляли с рождением детей. А затем со смехом выбрасывали младенцев через окна на мостовую.

В гетто Сарра Ихлова встретила новую любовь — Акиву (Абрама) Цвейгорена. Летом 1942 г. она родила сына Гришу. Так назвала его мать в память о первом муже. Смерть и любовь, расстрел и роды — все это было в гетто. Дитя надо было кормить, пеленать, а самое главное — надежно спрятать. Ребенок выжил, и,

по воспоминаниям Р. Ефун, она «в начале августа 1944 г. встретила Сарру, изможденную, только освобожденную из гетто, с грудным ребенком на руках, вернутым в какие-то тряпки»⁷⁵. Кто-то помог мужественной Сарре и ребенку выжить. 24 января 1945 г. Сарра Ихлова, уже будучи тяжело больной, сдала сына в Калкунский дом ребенка. Согласно истории развития № 26, это был нервный ребенок, который, однако, все понимает, произносит отдельные слова. Судя по количеству зубов, ему было 2,5 года⁷⁶. В конце 1945 г., не выдержав страданий, Сарра умерла. Остались горькие сироты Миша и Гриша.

После войны в Даугавпилс вернулась родная сестра погибшего в гетто Цви (Гирша) Ихлова — Шейна Ихлова. Сама Шейна, бывшая узница Даугавпилсского гетто № 031759 и концлагерей, вышла замуж за польского еврея Слова. Они решили покинуть Латвию и переехать в Польшу. Ей удалось разыскать племянника Моше. Он в это время жил в семье родственников Фалка и Галины (Хаи) Каган. Конечно, те не хотели отдавать ребенка. Но Шейна Слов настояла на своем, и они с мужем как польским подданным выехали в Польшу, а затем во Францию. В Марселе по призыву «Хаганы» Моше как сирота сел на пароход и прибыл в Израиль. Семья Слов по воле судьбы оказалась в Австралии. Прошло почти полтора десятка лет, прежде чем Слова вновь нашли Моше в Израиле, а затем забрали племянника в Австралию, где он живет и поныне.

Страдания Гриши тоже имеют счастливый конец. Как-то в 1946 г. на прогулке в детдоме ему передали печенье... от мамы. От мамы, которой уже не было в живых. Оказалось, что в город вернулся брат погибшего в гетто Абрама Цвейгорена — Моисей с женой Ривой. 28 февраля 1947 г. Рива и Моисей Цвейгорен забрали Гришу из Калкунского дома ребенка и усыновили. Так Григорий Абрамович Зеликовский стал Григорием Моисеевичем Цвейгореном. Нелегко далось это решение Риве и Моисею. Ведь в их семье уже росли два сына: Акива (1943 г. р.) и Матвей (1946 г. р.). Было решено, что Гриша будет записан рожденным в 1944 г. Новые родители Гриши не хотели, чтобы посторонние люди знали тайну усыновления. Как пишет сам Гриша, он «всегда в детстве ощущал к себе несколько жалостливое отношение, люди мне сочувствовали». О благородном поступке четы Цвейгорен знали немногие. Говорить об этом вслух было не принято. Понятны переживания Ривы и Моисея, поровну разделивших свою любовь к трем прекрасным сыновьям. Своим благородным поступком они сохранили память и о своих родных. Уже будучи взрослым, Григорий Цвейгорен узнал правду своего рождения. Рива Цвейгорен как-то говорила своей подруге: «Ну, как я могла сказать Гришеньке, что он не мой сын? Я ведь два года его не спускала с рук, он тяжело болел. Ему всегда было все самое лучшее и самое первое. Разве я не его мать?»

Спустя годы он узнал, что в далекой Австралии живет его брат по матери Моше (на австралийский манер Майкл). Впервые они встретились в 1988 г. в Москве. Правда, чтобы понять друг друга, им потребовался переводчик. Четыре брата — Моше, Акива, Гриша, Матвей — родные, двоюродные? Нет. Все они родные братья.

Скромная латышская женщина Текля Балодис была удостоена звания Праведника народов мира. Не должны быть забыты и другие люди, спасшие Моше и Гришу, помогавшие Сарре.

Марфа Иванова из деревни Криваны (Науенская волость) прятала евреев. Кто-то заметил, что они мылись в бане... Судьба тех евреев понятна. «Моя ба-

бушка Марфа Иванова и мой дядя Даниил Иванов (1924 г. р.) были отправлены в Саласпилский лагерь смерти. Оба вернулись, но бабушка сошла с ума и умерла от пережитого ужаса», — рассказал их внук А. Иванов.

Семья Яниса и Антонины Курсит жили в Межциемсе. Не раз эти благородные люди помогали евреям и не только им. Соседи называли их дом “*židu ēdnīsa*” («еврейская столовая»). Как-то зимой раздался стук. «Знакомый еврей попросил: “Господин Курсит, помогите”. Отец дал гонимому хлеба и сала, запряг сани, посадил его, меня и отвез куда-то, а затем еврей пошел сам», — рассказывает дочь Курситов Ч. Антане. Однажды в дом Курситов прибежали две еврейки, убиравшие двор, где жил заместитель гебитскомиссара⁷⁷. Им сказали, что их расстреляют. В. Новицкий также подтвердил эту историю, добавив, что видел разбегающихся евреев с желтыми звездами, которые осенью 1943 г. убирали листья во дворе дома гебитскомиссара. Антонина Курсит крикнула женщинам: «Прячьтесь в бане, где хранится сено». Приехавшие власовцы начали искать евреев в стогах сена. Спас всех немецкий офицер, проверявший документы, сказав карателям, что здесь искать нечего. Бедных евреек прятали и в бане, и в сене, и дома. А. Курсит носила им еду в корзине. Соседи знали, но не выдали. Как-то вечером прибежал еврей, обросший бородой, — Зеликман. Его тоже приютили, поместив на заброшенной даче Жива. Э. Продишка рассказывала, что не раз в этот дом прибегали евреи, работавшие неподалеку на огородах. И всегда Курситы давали голодным еду, хотя жили очень скромно. Не раз в этот дом приходили советские военнопленные: для каждого находился кусок хлеба и временное убежище. Семья Курсит помогала любому гонимому независимо от национальности.

З. Якуб в своей статье рассказывает, как в октябре 1943 г. группа узников выпрыгнула через окно товарного вагона, перерезав колючую проволоку. Среди них были Роза Фридлянд, Мойше Штейн, Давид Столяр. «...Столяр спрятался у знакомого жителя»⁷⁸. И все. А что же было дальше?

Выяснилось, что Давид Столяр действительно выпрыгнул около станции Крауя (в 15 км от Даугавпилса). Он выпрыгнул в этом месте не случайно. На хуторе Ляды, что рядом с Крауей, он до войны жил и работал на мельнице. Ночью он стучался к соседям Янкевичам, Войткевичам, наконец, к Добкевичам. Открыл Ян Добкевич: «Ясенька, спаси!» Ян Добкевич был неграмотным ломовым извозчиком, хорошо понимавшим еврейский язык. Он знал Давида и до войны, был дружен с хозяином мельницы Магараммом. Семья Добкевич — Ян и Катерина (Катаржина) дали убежище еврею. По рассказам их сына Франца Добкевича, Давида сажали за общий стол, а когда появлялся кто-то посторонний, то Донат (так стали называть Давида в новой семье) исчезал то в лесу, то в погребе, то в амбаре, то в хлеву, прячась за коровами. Рядом жил бывший айзсарг Заланс, приходили поесть немцы. Однажды непрошенные гости заглянули вновь. Посередине комнаты стояла бочка с солью. «А это что?» — «Соль, мы мешаем ее в солому для скота», — ответили хозяева. Бочку поставили на крышку подвала, где сидел Давид. Когда все ушли, несчастный с большим трудом выбрался из убежища. По просьбе Д. Столяра Ясенька не раз ездил за немецким журналом или газетой для узника. «Слушай, Добкевич, ты ж неграмотный, для чего тебе журнал, да еще на немецком», — спросил как-то каратель. Ясенька буркнул что-то невнятное, но «просвещением» еврея больше не занимался.

В 1944 г. Красная армия освободила узника. Давид Столяр после войны опять работал на мельнице и всегда заботился о Ясеньке. Подвиг скромного поляка

Яна Добкевича, который ничего героического в этом не видел, не должен быть забыт.

«У нас в доме по ул. А. Пумпура, 93, жили несколько немецких офицеров — Отто, Вольф и унтер-офицер Курт из Кельна. Запомнился последний, который говорил: «Зачем нам война?» — и подарил мне крестик, который храню до сих пор, — вспоминает И. Недведцкая. — Зимней метельной ночью 1943 г. к нам в дом постучал зубной техник Магид: “Я сбежал с вокзала”. Я удивилась, ведь казалось, что все евреи уничтожены. Моя мама, покойная Ирина Иосифовна, закурила, начала нервничать. “Мама, нас же могут расстрелять”. Мама ответила: “Ложись спать и молчи”. Утром в дверях еврей столкнулся с немецким унтером. “А кто это у вас?” — “Двоюродный брат из Литвы”, — спокойно ответила мама».

Конечно, долго оставаться в этом доме было нельзя. Через два дня Магида одели в женскую одежду, и И. Недведцкая ушла с ним. Магид оставил золотые часы и кольцо, добавив: «Я вас отблагодарю». Его отвели за город, в Ругели, где он недолго скрывался, а затем переправили в деревню. Два дня и две ночи скрывать еврея в доме, где жили немецкие офицеры, а во дворе — семьи карателей Пипцина и Лиелкаусиса! Разве это не подвиг, достойный уважения?

Но этим не закончились благородные деяния искренне верующей католички Марии Недведцкой. Ее дочь Ирина рассказала, что она была внебрачной дочерью в какой-то еврейской семье. Еще до войны ее отдали на воспитание пани Марии. Видимо, родители погибли в гетто, и новая мама крестила девочку, дав ей имя Анна Гриневич. Так переход в католичество спас человеческую жизнь. В 1946 г. Мария удочерила ее, записав Ириной Недведцкой. И. Недведцкая никогда не забудет, как ее мама ходила в гетто: «Мать обычно около пяти часов вечера надевала черный платок, брала корзиночку, говоря: “Помолись за меня, дочка”. Евреи обычно давали деньги своей кормилице. Они хотели, чтобы мать забрала из гетто девочку Розу. Еврейский ребенок нарисовал розу и отдал рисунок моей маме. Мы долго хранили рисунок дома. Но Розу из гетто забрать не удалось — боялись...»

Руки и сердца Хаи Розиной (г. Краслава) почти десять лет добивался Донат Ершевский. 26 июля 1939 г., в День святой Анны, еврейка крестилась в костеле Святого Людовика и, став Анной-Халиной, вышла замуж за любимого. Еврейская община резко отрицательно реагировала на уход из иудейского мира. Когда умерла мать Анны-Халины, то скорбящую дочь не допустили на кладбище. Она, плачущая, плелась в стороне от похоронной процессии (свидетельство С. Эстрина). В 1941 г. в доме Ершевских поселился немецкий офицер. Он, видимо, догадывался, несколько раз предупреждая об опасности, как и добрые знакомые. Хая пряталась в огороде. Донат перевез любимую вместе с сыном в Ригу к старшему брату, а затем к знакомым — Нипанам. Сын Болеслав, спрашивая: «Где мама?» — получал ответ: «Мама в шкафу». Еврейка-католичка сумела выжить и после войны жила в Краславе.

К сожалению, не всегда переход в христианство спасал евреям жизнь. Циля Думеш (1902 г. р.), жившая в Старых Стропах, вышла замуж за латышского парня Александра Нарбута (1896 г. р.). Но чтобы это произошло, еврейской девушке пришлось принять католическую веру (она была крещена в Науенском костеле). Местные евреи бросали в молодоженов камни. Пришлось даже на несколько лет уехать в Екабпилс, но потом они вернулись. В 1941 г. соседи, по рассказу очевидицы Я. Нарбут, «стукнули» на Цилю, и она была арестована. Последний раз ее видели на принудительных работах...

Хана Гельцер (1912 г. р.) с ул. Ароду в 1937 г. полюбила симпатичного литовского парня Николая Шакалеса. Родные были против их брака. Пришлось молодому на несколько лет перебраться в Ригу. Там девушка крестилась и вышла замуж, став Анной Шакалесе. Молодожены возвратились в родной город, в семье родилась дочь Ирина. В июне 1941 г. родители крещеной еврейки оказались в гетто, где и погибли. Анна не пошла в гетто, считая, что ее это не касается. Она старалась не выходить на улицу, родные мужа предлагали спрятать ее в деревне, но она фатально отвечала: «Что будет, то будет, от судьбы не уйдешь». Летом 1942 г. соседка Липа и ее сожитель, работавший в полиции порядка, сообщили нацистам, что еврейка находится вне гетто. За ней явились немец и два местных карателя: «Что, жидовку прячете?» Анна в последний момент успела передать Ирочку в руки родных. «Ничего брать не надо!.. У меня же крестик». — «Знаем мы вас». Еврейку грубо схватили за руки, оттолкнув заступившегося мужа Николая. Уходящая Анна успела сказать свояченице: «Иру сохрани, я погибла» (вспоминает Э. Бесакирской). Был арестован и муж, но затем отпущен. Ирина Шакалесе выжила и проживала в Краславе.

Было ли крещение спасением?

В приведенных случаях есть общее и особенное. Все евреи были крещены до войны. Еврейская община, как правило, отрицательно реагировала на отказ от веры предков. Крещение иногда спасало, иногда — нет. Много зависело от конкретных обстоятельств, участников событий и их действий.

Помогать евреям было смертельно опасно, но даже сходство с евреем могло привести к трагедии. Анну Марию Трашкову каратели схватили на улице и втиснули в колонну идущих евреев. С трудом соседи доказали, что она христианка (свидетельство В. Петровской).

К трагедии мог привести и отказ закапывать жертв Холокоста. Так, нацисты и их подручные устроили кровавую бойню в Вишках (Калнавишках), расстреляв там евреев из Дагды и Аглоны⁷⁹. Каратели Колуж с братом Донатом Романовским пришли в дом к Евстигнею Григорьеву. «Бери лопату и иди закапывать евреев», — сказали они. «Кто стрелял, тот пусть и закапывает», — был ответ. «Мы приказываем закапывать». — «Хоть стреляйте, не пойду. Вы же соседей стреляли». — «Надо было стрелять, так и стреляли», — вспоминала дочь Е. Григорьева. — И все-таки отец не пошел. «Запомнишь это», — уходя сказали каратели. Прошла неделя. Приезжают на телеге три человека в одежде айзсаргов. «Одевайся», — говорят отцу. Мать упала на колени, пыталась целовать сапоги Петру и Антону Колужам — у нас же 15 гектаров земли. П. Колуж смилостивился: «Ладно, раз некому кормить семью, пусть пойдут дочери Дарья и Настя», — плача, вспоминала А. Григорьева. Двух девочек 14 и 15 лет угнали на принудительные работы в Германию. Они работали на заводе, делали там осветительные ракеты. Три года бедные сестрички трудились в цехах, где все было изъедено пороховой пылью. В 1944 г. нацисты выдали девочкам справки, что они приехали туда добровольно. Бывшие малолетние узницы и сегодня продолжают страдать от болезней...

В. Тымшан, известный в городе женский парикмахер, рассказала, как летом 1941 г. к ней на работу прибежали ее бывшие клиентки Груня Рапопорт и семья Окуневых. Груня оставила ей какой-то сверток. Однажды она вновь прибежала к ней очень взволнованная с просьбой вернуть сверток с драгоценностями: «Может быть, это меня спасет». Больше она не приходила. Окуневы выжили. После войны забрали у своего мастера узел с вещами, который оставили еще до ухода в гетто.

Другой известный в городе мужской парикмахер А. Козлов вспомнил, что в их дом летом 1941 г. приходил поест знакомый еврей. Несколько недель в это расстрельное для евреев лето у них нашла приют какая-то еврейская девочка 12—13 лет. «Мы все очень боялись. Затем девочка куда-то ушла. Соседка заметила: “Что, к вам евреи приходят?” — и посчитала своим долгом сообщить в зихерполицай (полицию порядка)». Каратели кричали, угрожали пареньку: “*Juden atnāk pie jums?*” («*Juden* приходили к вам?»). С трудом удалось вырваться из лап нацистских приспешников.

Альбине Плечкиной, жившей на ул. Пумпура около костела, запомнился доктор Рувен Гуревич. Это был человек невысокого роста, чуть полноватый. Он лечил немцев, находившихся в госпитале⁸⁰. «Каждое утро с завидной пунктуальностью доктор Гуревич шел на работу с каким-то свертком в руке. Он останавливался у киоска, чтобы купить немецкие газеты. Я оставляла продавщице Монике Масальской пакет с едой для доктора. Так продолжалось недели три...»

Олег Микуленок рассказывает, что во время войны его семья жила в доме на углу ул. Ригас и Алеяс. Стук в дверь: стоит Рая З. с желтой звездой на одежде. Ефросинья Никитична Микуленок впустила ее. Только Раю усадили за стол, как зашел повар-немец, попросив у хозяйки кастрюлю. Все обомлели от страха. Через некоторое время повар вернулся: «Покорми ее». В кастрюле был суп. Семья Раи (Рахили) З. — муж Исаак и двое детей оказались в гетто. Во время одной из акций Раю, выбросив подушки, прыгнула со второго этажа здания, где размещалось гетто. Она пришла к своей однокласснице с просьбой о помощи. Покормив Раю, Ефросинья Никитична нашла знакомого извозчика, который и увез женщину... Немец, а еврейку спас. Рая З. выжила и после войны жила в Риге.

В то же время ряд свидетельств о спасении евреев противоречивы, некоторые невозможно подтвердить. «Григорий Зайчиков спрятал за Гривой... Дину Пуклину вместе с матерью», — так пишет З. Якуб⁸¹. Х. Филипенек излагает эту историю по-своему. Виктор Дунаевский, друг Дины Пуклиной, и ее мать оказались в гетто. К воротам гетто в июне 1941 г. не раз приходили знакомые и поклонники красавицы Дины, перебрасывали через забор продукты. Марьян Чижевский решил спасти девушку, которая ему нравилась. Подкупили охрану. Преданный В. Дунаевский сделал вид, что собирается бежать. Он был убит. Дину с матерью вывезли из гетто. М. Чижевский спрятал их в одной из деревень за Гривой. Свобода, однако, была недолгой. Кто-то донес, и евреи были расстреляны. Марьян отпирался, но в конце концов был арестован. По его словам, сидел в тюрьме в районе линии Мажино. После войны жил в Варшаве. Женится на красавице-польке, которая, как говорят очевидцы, была очень похожа на Дину. Умер М. Чижевский в 2001 г. в Варшаве.

А вот другой случай. А. Плечкина вспомнила еврейку Кур, которая работала кассиром в аптеке на ул. Ригас. Во время гитлеровской оккупации она родила мальчика Якова. Кто-то прятал их в подвале, ребенок почти ослеп, не зная дневного света. Лишь по вечерам, на закате солнца, мать иногда выносила дитя на улицу. Яков Кур выжил. Но его судьба и судьба спасателя до сих пор не известны. Возможно, читатели смогут что-то сообщить автору и установить истину. Это говорит о том, что к воспоминаниям очевидцев как одному из видов устной истории следует относиться с осторожностью, сравнивая эти свидетельства с другими источниками. В то же время устная история, наряду с другими источниками, открывает новые возможности в исследовании Холокоста.

Любой еврей в гетто или вне его выжил не только благодаря личному мужеству, психологической выдержке, своим «золотым рукам», ряду счастливых случайностей, но и благодаря помощи своих соседей — поляков, русских, латышей, а иногда солдат и офицеров германской армии. Любой еврей был обречен нацизмом на смерть, а спасители обрекали на смерть себя, спасая других. Помогая и спасая евреев, эти люди оказывали сопротивление фашизму. В этом величие их подвига.

Э п и л о г

В своих письмах бывшие узники называют число жертв в Даугавпилском гетто. Как правило, они указывают цифру более 15 тыс. человек. В публикациях И. Арада, З. Якуба, А. Эзергайлуса, И. Штеймана, Л. Дрибинса отмечается разное количество жертв Холокоста в городе. В Латвийской энциклопедии (*Latvijas Enciklopēdija*) указано, что здесь погибло более 20 тыс. евреев⁸². Эта цифра созвучна данным газете «Двинский голос», сообщившей, что в сентябре 1941 г., уже после первой акции, в гетто насчитывалось 23 048 евреев.

Конечно, читателей всегда интересует, кто был главным виновником еврейской трагедии в Даугавпилсе и окрестностях, длившейся 3 года 1 месяц и 1 день. В первую очередь это руководители эйнзацкоманд и часть членов этих команд, находившихся в городе во время акций. Это д-р Эрих Эрлингер, оберштурмбанфюрер СС, начальник эйнзацгруппы 1b. Э. Эрлингер находился в Даугавпилсе с первых дней оккупации до 13 июля 1941 г. В состав команды 1b входило 110 человек⁸³. С 13 июля по 22 августа ответственность за гибель евреев несет эйнзацкоманда ЕК-3 и ее руководитель оберштурмфюрер СС Иоахим Хаман. В составе команды был 141 человек⁸⁴. С 23 августа 1941 г. уничтожением евреев в гетто руководил оберштурмфюрер СС Гюнтер Табберт. Э. Эрлингер был судим в 1967 г. в Карлсруэ, а Г. Табберт — в 1969 г. в Дортмунде (ФРГ). Г. Табберт, палач Даугавпилского гетто, имевший привычку разезжать по гетто на белой лошади, отдавая приказы... был оправдан. Он якобы во время акций был болен и ничего не помнит⁸⁵. Этот организатор убийств возглавлял также СД в Даугавпилсе. Его помощниками были оберштурмфюрер СС Унгетим, ротенфюрер (вице-капрал) СС Келлер, гауптшарфюрер (старший сержант) СС Хангерберг, обершарфюрер (сержант) СС Бекер. После отъезда Табберта на его должности находились гауптшарфюрер СС Е. Шиле и Мауриц. Приказ об окончательном уничтожении гетто Г. Табберт получил от оберштурмбанфюрера СС Рудольфа Ланге, начальника полиции безопасности и СД генерального округа Латвии. Надзор за уничтожением евреев осуществлял руководитель СС и городской полиции оберштурмбанфюрер СС Фогт⁸⁶, а также гебитскомиссары Швунк, Риекен, Леман, Лейвац, Гайнель.

В акциях по уничтожению евреев принимала участие и «команда Арайса». Ответственность за уничтожение евреев несут комендант гетто Эдгар Заубе, городские префекты, руководители вспомогательной полиции, сменявшие друг друга: капитан Петерсон, капитан Роберт Блузманис, полковник-лейтенант Рудольф Циеминьш и Освальд Сталис. Начальниками шести участков полиции соответственно были Арвид Сакарнис, Ж. Страдиньш, Р. Кейпанс, Х. Круминьш (на Гриве)⁸⁷. Из архивных документов, а также по воспоминаниям очевидцев и узников гетто видно, что активными пособниками нацистов были местные полицейские: Валерий Смелтер, Иван Лисовский, Иван Словенский, Петр Вилцан, Антон Вилцан, Кузьма Бейнарович, Евгений Мин-Минин, Петр Курченко, Иван

Задаев, Григорий Забудаев, Биркан, Сиполник, Михайлов, Горский, Стах Карнилович, Альбер, Брок, Класинский, Фимаш, Литомягин, Совер, Беллейчик, Мунч, Кокин, Беренсон, Кейран, Круминьш, Озолиньш, Лайдыньш, Муцениекс, Алоизий Будже⁸⁸, Шпак, Купчис, Линде, Булавский, Крауклис, Пипцины, Малиновский. Это были люди разных национальностей, в основном рабочих специальностей, с невысоким уровнем образования. Но среди карателей также были учитель, адвокат, журналист, бывшие офицеры латвийской армии. Возраст этих людей колебался в пределах от 18 до 50 лет.

Город не забыл невинно убиенных. 27 июня 1960 г. в Даугавпилсе был открыт большой многофигурный памятник (скульптор Х. Спринцис, архитектор З. Абелите). Сейчас он разрушен — остался лишь постамент. На гранитных плитах по-русски и по-латышски написано: «Вечная память жертвам фашизма. 1941—1944 гг.». В одной из символических могил 9 июля 1989 г. были перезахоронены останки расстрелянных евреев, но памятного камня пока нет. На воротах этого мемориального кладбища есть две мемориальные доски, где на двух языках указано: «В этом лесу в 1941—1944 гг. фашистские оккупанты замучили и расстреляли свыше 100 тысяч человек».

10 ноября 1991 г. в Межциемсе был открыт мемориальный ансамбль, в центре которого изображена шестиконечная звезда и высечена надпись на еврейском языке: «Памяти детей Израилевых». Рядом находится плита, на которой указано, что в Даугавпилсе погибло 30 000 евреев. Как показали современные исследования, эта цифра преувеличена. Вокруг памятника стоят 16 памятных камней. Они символизируют страны, оккупированные Германией, указано и количество жертв Холокоста в них. Мемориальный ансамбль (скульптор О. Мариноха) воздвигнут стараниями тогдашнего председателя Даугавпилсской еврейской общины А. Фишиля.

Около железнодорожной станции Межциемс, на месте массового расстрела, имеется памятный камень, но нет указаний, что здесь расстреляны евреи. Надпись на русском языке гласит: «На этом месте 8 и 9 XI 1941 г. немецкие фашисты расстреляли 2000 мирных жителей Даугавпилса — детей и взрослых». В 1967 г. в этом месте был установлен обелиск (эскиз художника М. Купчиса). В 1974 г. вместо обелиска установлен памятный камень.

За городской тюрьмой, на месте массового расстрела евреев, в бывшем железнодорожном садике, в 1963 г. установили памятник, где написано: «Здесь погребены бойцы, командиры Советской армии, замученные немецко-фашистскими захватчиками в период 1941—1945 гг. Вечная слава павшим». На городском Коммунальном кладбище находится небольшой памятник, который был перенесен сюда с еврейского кладбища, ликвидированного в 1975 г. советскими властями. На памятнике имеется надпись: «Здесь похоронены 10 еврейских семей, погибших от рук немецко-фашистских захватчиков в 1941—1944 гг.». Захоронение было и на бывшем еврейском кладбище. Там на черных плитах на еврейском и русском языках было выбито: «Здесь покоятся останки и пепел 2000 еврейских детей, убитых и сожженных гитлеровскими убийцами в 1941—1943 гг.». При ликвидации кладбища останки были перезахоронены у памятника жертвам фашизма в Межциемсе.

21 августа 2007 г. Совет еврейских общин Латвии установил две памятные плиты. Одну из них — в Гайке, за тюрьмой, где в июле 1941 г. было уничтожено более 1000 евреев, вторую — на мемориальном кладбище в Межциемсе (Погу-

лянке) на месте перезахоронения останков узников Даугавпилсского гетто (автор оформления обеих плит — И. Лисагор).

Каждый год 4 июля жители Даугавпилса собираются на траурный митинг в Межицемясе, чтобы почтить память невинно убиенных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Якуб З.* В те дни: Из истории Даугавпилсского гетто // Евреи в Даугавпилсе: Исторические очерки. Даугавпилс, 1993. С. 287—382.
- ² *Ивевс С.* Как небеса темны: 1400 дней в тисках нацистского террора. М., 2005.
- ³ *Волкович Б.* О Даугавпилском гетто: по воспоминаниям узника гетто Сиднея Айвена // Волкович Б., Олехнович Д., Рочко И. и др. Холокост в Латгалии. [Даугавпилс, 2003]. С. 53—64.
- ⁴ *Ezergailis A.* Holokausta vācu okupētāji Latvijā, 1941—1944. R., 1999. 309.—320. lpp.
- ⁵ *Swain G.* Between Stalin and Hitler: Class war and race war on the Dvina, 1940—46. L.; N. Y., 2004. P. 268.
- ⁶ *Рочко И.* Жертвы, спасенные и спасатели // Волкович Б., Олехнович Д., Рочко И. и др. Холокост в Латгалии. [Даугавпилс, 2003]. С. 81—98.
- ⁷ Мойше Антиколь, бывший житель Даугавпилса, ныне проживающий в Израиле, несколько неточен: в 1934—1940 гг. в Латвии выходила одна ежедневная газета на идише — «Гайнт», которая имела вечернее приложение «Гайнт батог». Существует мнение, что замалчивание реальной информации в этой газете о нацистском режиме сыграло отрицательную роль в принятии евреями решения об эвакуации в 1941 г. (см.: *Смирин Г.* Еврейская периодическая печать в Латвии в период между двумя мировыми войнами // Евреи в меняющемся мире: Материалы 2-й Междунар. конф., Рига, 25—27 авг. 1997 г. Рига, 1998. С. 326—327; *Smirins G.* Ebreju prese // Latvijas Republikas prese, 1918.—1940. / R. Treiņa red. R., 1996. 461. lpp.).
- ⁸ Е. Шварц, еврейка, эвакуировалась из города накануне войны, ныне жительница Риги, доктор химических наук, профессор.
- ⁹ Имеется в виду латгальский Праздник песни 1940 г.
- ¹⁰ Свидетельство В. Хребтовой хранится в Центре устной истории Даугавпилсского университета (DU MV5).
- ¹¹ Ныне левобережная часть Даугавпилса.
- ¹² *Волкович Б.* Из истории еврейской культуры в Латвии (1918—1940). Даугавпилс, 2002. Ч. 1. С. 27.
- ¹³ Вести сегодня. 2004. 26 апр.
- ¹⁴ *Represēto saraksts, 1941 / Latvijas valsts arhivs.* R., 1995. 1. sēj. 36.—45. lpp.
- ¹⁵ *Штейман И.* Евреи города до и после войны // Евреи в Даугавпилсе: Ист. очерки. Даугавпилс, 2001. Кн. 3. Ч. 2. С. 27.
- ¹⁶ После присоединения Латвии к СССР в 1940 г. граница между ней и Российской Федерацией не была открыта для свободного пересечения (требовалось специальное разрешение). Такое положение сохранялось и в первые дни войны, вплоть до 3 июля 1941 г., вследствие чего большое число желавших уйти во внутренние районы СССР не смогли это сделать. — *Ред.*
- ¹⁷ Айзсарги (латыш. *aizsargs* — защитник) — массовая военизированная националистическая организация в Латвии, созданная в марте 1919 г. для борьбы с большевиками. Действовала сначала на обязательной основе, а с 1921 г. — на добровольной. Послужила основной силой в осуществлении антиконституционного государственного переворота 15 мая 1934 г. и была главной опорой авторитарного режима К. Ульманиса. Вместе с женскими и детскими организациями к июню 1940 г. достигла численности около 68 тыс. человек и практически пронизывала все общество. Была разоружена и ликвидирована советской властью в июле 1940 г., часть членов организации были репрессированы. Во время германской оккупации бывшие айзсарги явились одним из основных резервов нацистских коллаборационистов. В мае 1990 г. организация возобновила деятельность как общественная, однако она малочисленна и ее популярность ничтожна. — *Ред.*

- ¹⁸ *Ezergailis A.* Op. cit. 309.—310. lpp.
- ¹⁹ *Anders E.* Liepājas Holokausta memoriāls. Liepāja, 2004. В Лиенае евреи, проживавшие на ул. Витолу, также были обвинены в поджоге своих домов, чтобы те не достались немцам.
- ²⁰ *Ezergailis A.* Op. cit. 310. lpp.
- ²¹ *Ibid.* 312. lpp.
- ²² Якуб З. Указ. соч. С. 296.
- ²³ Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 7021, оп. 93, д. 22 (из показаний А. С. Бляхмана). Все использованные в статье документы из ГАРФ выявлены и любезно предоставлены автору Д. Олехновичем.
- ²⁴ *Рочко И.* Жертвы, спасенные и спасатели. С. 86—87.
- ²⁵ ГАРФ, ф. 7021, оп. 93, д. 22. В документе Х. Л. Покерман ошибочно назван Бокерманом.
- ²⁶ *Ezergailis A.* Op. cit. 326.—327. lpp.
- ²⁷ *Ibid.* 313. lpp. Эйнзацкоманда в переводе с немецкого означает «команда полной готовности», или «оперативная команда». Одной из задач таких команд было уничтожение евреев. Командой ЕК-1 руководил Эрих Эрлингер.
- ²⁸ Рихард Борейко долгие годы работал смотрителем католического кладбища. Когда человек умирал, то горожане говорили: «Пошел к Борейке».
- ²⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 313. lpp.
- ³⁰ *Ibid.* 311., 492. lpp.
- ³¹ ГАРФ, ф. 7021, оп. 93, д. 22.
- ³² Речь идет о синагоге Грингауза, находившейся на ул. Саулес, 66. См: *Волкович Б.* Иудаизм в Даугавпилсе (1920—1940) // *Latgale un Daugavpils: vēsture un kultūra.* Daugavpils, 1996. С. 110.
- ³³ ГАРФ, ф. 7021, оп. 93, д. 22.
- ³⁴ Речь идет о Набережной (Пиекрастес) синагоге, находившейся на ул. Централес, 18, в Гайке. См: *Волкович Б.* Иудаизм в Даугавпилсе. С. 110.
- ³⁵ Бывший житель Гайка А. Розенко, ныне проживающий в Израиле, дал такое же описание синагоги.
- ³⁶ *Рочко И.* Жертвы, спасенные, спасатели. С. 142—146.
- ³⁷ Евреи из Литвы С. Ивэнс (см. прим. 2) и Х. Курицкий написали воспоминания о пребывании в Даугавпилском гетто.
- ³⁸ Автор не исключает, что среди узников гетто были и российские евреи, в частности из Ленинграда. Это были евреи, снимавшие дачи в Литве и окрестностях Краславы (Приедайне). Опрошенные старожилы подтверждают этот факт.
- ³⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 391. lpp. Автор указывает, что в Даугавпилское гетто было отправлено 40 евреев из Валмиерского уезда.
- ⁴⁰ *Ивэнс С.* Указ. соч. С. 56—185.
- ⁴¹ *Штунгин С.* До и после побега (воспоминания узника Даугавпилского гетто) // Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й Междунар. конф., Рига, 16—17 нояб. 2003 г. Рига, 2005. С. 423—440.
- ⁴² Якуб З. Указ. соч. С. 287—382.
- ⁴³ *Рочко И.* Жертвы, спасенные и спасатели. С. 81—92.
- ⁴⁴ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 6962, оп. 15, д. 1. В заявлении № 87 от 25 сентября 1941 г. М. Мовшензон подписался как руководитель отдела хозяйственных расходов комитета еврейского лагеря. Привлекает внимание номер заявления (№ 87) — видимо, существовали и другие документы юденрата.
- ⁴⁵ Документ обнаружен в архиве руководителем Центра устной истории Даугавпилского университета проф. И. Э. Саленице.
- ⁴⁶ *Ezergailis A.* Op. cit. 318. lpp.
- ⁴⁷ М. Мовшензон и его жена погибли в кровавой акции 1 мая 1942 г. при ликвидации «большого гетто».
- ⁴⁸ *Ezergailis A.* Op. cit. 315. lpp.
- ⁴⁹ Речь идет о первой семье моего отца Гершона Рочко, узника Даугавпилского гетто, концлагерей Кайзервальд и Штутгоф: жена Зара (урожд. Штейнгольд), 1908 г. р., дочь Хая Душа 1939 г. р.; сын Израиль Сендер 1937 г. р. и отец Борис Рочко погибли в Даугавпилском гетто.

- ⁵⁰ Гинзбург Л. Разбилось лишь сердце мое...: Роман-эссе; Избранное. М., 1985. С. 368—369.
- ⁵¹ Рочко И. Жертвы, спасенные и спасатели. С. 88
- ⁵² Речь идет об озере, находящемся напротив бывшего завода химического волокна.
- ⁵³ Этот факт подтверждается в кн.: *Liepa A. Noklusētās lappuses: Dokumentāls romāns*. R., 2004. 19. lpp.
- ⁵⁴ Речь идет о хлорной извести, которой каратели посыпали места расстрелов, чтобы не допустить эпидемий.
- ⁵⁵ *Ezergailis A.* Op. cit. 315. lpp.
- ⁵⁶ *Ibid.* 316. lpp.
- ⁵⁷ Музей «Евреи в Латвии» (далее — МЕЛ), III-2253, л. 2.
- ⁵⁸ Якуб З. Указ. соч. С. 321. Автор ссылается на ЛГИА, ф. 1026, оп. 1, д. 3, л. 262—264.
- ⁵⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 319.—320. lpp.
- ⁶⁰ См. прим. 25 на с. 350.
- ⁶¹ *Daugavpils žīdu geto iedzīvotāju saraksts*, 1941. g. 5. dec. (МЕЛ, III-2196).
- ⁶² Красные удостоверения имели ремесленники, выполнявшие работы в городе.
- ⁶³ Якуб З. Указ. соч. С. 365.
- ⁶⁴ Двинск окружал вал из мертвых тел // *Наша газета*. 2005. 5 мая.
- ⁶⁵ Якуб З. Указ. соч. С. 328.
- ⁶⁶ Там же. С. 306. З. Якуб указывает, что М. Гец была повешена «за хождение без желтого лоскута в гетто».
- ⁶⁷ *Вайнштейн Э.* Отец: *Exclusiv cars Kaizerslautern*. [Б.м, б.г.] С. 43.
- ⁶⁸ Там же. С. 54.
- ⁶⁹ Якуб З. Указ. соч. С. 346.
- ⁷⁰ *Ezergailis A.* Op. cit. 320. lpp.
- ⁷¹ Воспоминания З. П. Возняк предоставлены автору Б. Левиной (Магид). Воспоминания И. Недведцкой о докторе Виноградовой записаны автором.
- ⁷² Гинзбург Л. Разбилось лишь сердце мое... С. 366.
- ⁷³ Починал антифашистски борец // *Еврейские вести*. 1967. 9 окт.; Умер борец с фашизмом // *Фолксштиме*. 1967. Окт. (На идише).
- ⁷⁴ Свидетельство. Дано Соней Слов в присутствии присяжного адвоката в г. Мельбурн, штат Виктория, Австралия. 05.1957.
- ⁷⁵ Справка. Дана Р. Я. Ефун первой Рижской нотариальной конторой в присутствии государственного нотариуса. 09.11.1990.
- ⁷⁶ Центр опеки детей сирот «Калкуны», история развития № 26 от 24 янв. 1945 г.
- ⁷⁷ Речь идет о здании бывшего санатория «Межциемс», где евреи убирали двор.
- ⁷⁸ Якуб З. Указ. соч. С. 372. Роза Фридлянд, бывшая узница Даугавпилсского гетто, концлагерей Саласпилс, Кайзервальд и Штутгоф после войны жила в Даугавпилсе, умерла в 2000 г. Мойше Штейн погиб в партизанском отряде.
- ⁷⁹ Рочко И. Жертвы, спасенные и спасатели. С. 122—128.
- ⁸⁰ Якуб З. Указ. соч. С. 311. Доктор Рувен Гуревич — узник Даугавпилсского и Рижского гетто. 28 июля 1944 г. во время акции покончил жизнь самоубийством. Госпиталь для раненых немцев находился в здании нынешней психиатрической больницы.
- ⁸¹ Якуб З. Указ. соч. С. 345.
- ⁸² *Latvijas Enciklopēdija*. R., 2003. 2. sēj. 589. lpp.
- ⁸³ *Ezergailis A.* Op. cit. 309.—315., 492. lpp.
- ⁸⁴ *Ibid.* 319.—320. lpp.
- ⁸⁵ Якуб З. Указ. соч. С. 322.
- ⁸⁶ *Ezergailis A.* Op. cit. 528. lpp.
- ⁸⁷ *Ibid.* 350. lpp.
- ⁸⁸ ГАРФ, ф. 7021, оп. 93, д. 22.